

Рука об руку или порознь? Возможности сотрудничества с российской академической диаспорой в сфере социально-экономических наук*

Д. Попов^a, С. Творогова^b, И. Федюкин^c, И. Фруммин^d

Российские университеты, ставящие перед собой задачу стать не только учебными, но и научными центрами, заинтересованы в расширении своей включенности в мировое исследовательское пространство. Одним из возможных направлений решения данной задачи является установление контактов с представителями российской научной диаспоры. Само словосочетание кажется очень понятным и знакомым, вместе с тем, реальных данных об этом явлении практически нет. Способна ли российская академическая диаспора в области социально-экономических наук стать заметным ресурсом для развития высшего образования и науки в России? Что представляет из себя диаспора, в каком состоянии она находится, готова ли она к сотрудничеству, а если готова, то в каких формах, каковы ее ожидания в этом отношении?

Предлагаемый текст представляет результаты исследовательского проекта, реализованного совместно Государственным университетом – Высшей школой экономики и Российской экономической школой при поддержке Всемирного банка, и направленного на изучение российской (в широком смысле этого слова, т.е. распространяемой и на выходцев из бывшего СССР, если они принимают подобное определение) академической диаспоры в социально-экономических науках. В первой части представлен анализ зарубежного опыта привлечения представителей диаспоры к работе в исследовательской и инновационной сфере разных стран, в двух последующих частях проанализированы эмпирические данные, собранные в ходе проекта.

* Исследование выполнено ГУ ВШЭ и РЭШ в 2008-2009 гг. при поддержке Всемирного банка. Данный текст подготовлен для публикации в качестве научного препринта ГУ ВШЭ. Октябрь 2009.

^a К.с.н., преподаватель факультета социологии ГУ ВШЭ, старший научный сотрудник Института развития образования ГУ ВШЭ. Email: dmitry_popov@sociolog.net

^b К.с.н., доцент факультета экономики ГУ ВШЭ. Email: svt@hse.ru

^c Ph.D., директор по прикладным исследованиям РЭШ. Email: ifedyukin@nes.ru

^d Проректор ГУ ВШЭ, научный руководитель Института развития образования ГУ ВШЭ. Email: ifroumin@worldbank.org

Понять явление в условиях дефицита информации о нем – непростая задача, именно поэтому исследование было организовано по двум направлениям, результаты которых представлены в двух последующих частях текста. Для одного главной задачей было понять мотивы и устремления работающих за рубежом россиян, обсудить с ними саму идею потенциального сотрудничества и определить готовность к нему. В этом случае основным источником сбора информации являлись экспертные интервью, т.е. относительно слабо структурированная беседа, основным результат – общая картина настроений и мнений изучаемой категории, отдельные предложения по возможностям организации сотрудничества.

Второй компонент исследования был ориентирован на получение количественных данных. В условиях размытой генеральной совокупности подобную задачу в чистом виде решить невозможно (нельзя построить выборку), но приблизительную картину, некие более четкие ориентиры, обратившись к большому числу людей со стандартизированным набором вопросов, можно – именно на это и был направлен второй компонент эмпирической части исследования.

Для обеспечения необходимой методологической ясности мы приводим результаты каждого из компонентов отдельно, хотя содержательно между ними можно проследить много пересечений, что сделано в разделе «Выводы и рекомендации».

Часть 1. Академические диаспоры: анализ опыта организации сотрудничества

Для сегодняшнего мира характерна высокая и все возрастающая степень мобильности высококвалифицированной рабочей силы. По данным на конец 1990х гг., 23% всех обладателей докторской степени в США родились за пределами страны, а в отдельных дисциплинах этот показатель был даже выше (например, в информатике он составлял 40%). Отток высококвалифицированных специалистов отмечается и в развитых странах (включая страны ЕС), но в первую очередь он характерен для развивающихся экономик. Доля выходцев из развивающихся стран, работающих в исследовательских отраслях за рубежом, достигала как минимум 1/3 от всего числа занятых в этих отраслях в самих развивающихся странах.¹

¹ Meyer, Jean-Baptiste and Mercy Brown, “Scientific Diasporas: A New Approach to the Brain Drain,” Management of Social Transformations – MOST, Discussion Paper No. 41, Prepared for the World Conference on Science, UNESCO – ICSU, Budapest, Hungary, 26 June-1 July 1999. См. также: Stephan, P., and S. Levin, “Exceptional Contributions to US Science by Foreign Born and Foreign Educated,” Population Research and Policy

Неудивительно, что проблема оттока высококвалифицированных академических стран беспокоит правительства многих стран, в том числе, и России. Если первоначально основное внимание в России уделялось именно самому оттоку, то в последнее время все шире обсуждаются перспективы использования работающих за рубежом российских ученых («академической диаспоры»²) для развития отечественной науки и высшего образования. В данном докладе приводятся результаты исследования, целью которого было оценить потенциал российской академической диаспоры в общественных науках с точки зрения налаживания сотрудничества с этой диаспорой и ее заинтересованность в таком сотрудничестве, а также изучить факторы и стимулы, влияющие на готовность представителей диаспоры к практическим шагам в этом направлении.

Проблема «утечки мозгов»

Впервые проблема «утечки мозгов» привлекла внимание исследователей в 1950х гг. в связи с оттоком ученых и инженеров из стран Западной Европы, особенно из Великобритании, в США и Канаду. В 1950х-1960х гг. это понятие стало употребляться в первую очередь для описания оттока высококвалифицированных кадров из стран «глобального юга» в развитые страны.³ При этом высококвалифицированный специалист рассматривался как отдельно взятый актив, сродни единице основных фондов, складывающейся из фиксированного набора его или ее образовательных и профессиональных квалификаций, сформированных в результате предшествующих инвестиций.⁴ В этом случае отъезд такого специалиста воспринимался как сокращение доступного для развивающейся страны «человеческого капитала» и как потеря сделанных

Review, 20(1-2) April 2001; 2006 Doctorate Recipients from United States Universities: Summary Report, NORC, University of Chicago, 2008.

² В строгом понимании термин «академическая диаспора» предполагает существование не просто совокупности выходцев из данной страны, проживающих за рубежом, но и объединяющих их социальных сетей, которые позволяют использовать соответствующие механизмы распространения и сбора информации и др.

³ См. например, Bhagwati, J. N. and D. Rodriguez, (1975), *Welfare-Theoretical Analyses of the Brain Drain*, Journal of development Economics, 2 1961-221; Bhagwati, J. (ed.), 1976, *The Brain Drain and taxation II Theory and empirical analysis*. Amsterdam: North Holland; Portes, A. (1976) *Determinants of the Brain Drain*. In Kubat, D. (ed) *The Politics of the Return: International Return Migration in Europe*. Centre for Migration Studies New York, pp. 269-275.

⁴ См., например, Becker, G. (1964) *Human Capital*. NY: Columbia U. Press; Mincer, Jacob. 1974. *Schooling, Earnings, and Experience*. NY: Columbia U. Press; Krueger, Alan B., and Mikael Lindahl. 2001. "Education for growth: Why and for whom?" *Journal of Economic Literature* 39, no. 4 (December):1101-1136.

инвестиций. Соответственно, упор в научной литературе делался на негативные последствия «оттока мозгов» для экономики развивающихся стран и для благосостояния остающихся граждан, а также на методах физического ограничения или прямого материального компенсирования такого оттока через различные схемы налогообложения и «репарационных» платежей.

В последующие десятилетия, однако, упоминавшийся выше теоретический подход к «человеческому капиталу» как явлению был в значительной степени пересмотрен. В частности, подчеркивается коллективная природа процесса создания знаний, роль в нем именно научных сообществ, а не просто суммы отдельных индивидов. Способности и квалификации индивида приобретают значение и становятся продуктивными только в контексте включенности в такие сообщества и повседневных взаимодействий в их рамках. Подчеркивается также, что человеческий капитал – это лишь один из элементов процесса создания знаний, причем особенно это касается естественнонаучных и инженерных областей, где велика роль физической (и весьма дорогостоящей) исследовательской инфраструктуры.⁵ В итоге, в 1990х-2000х на смену концепции «утечки мозгов» пришла концепция «накопления мозгов», или «мозгового банка»: целый ряд теоретических работ теоретических работ подчеркивают возможные положительные последствия успеха эмигрантов за рубежом для страны их происхождения⁶.

Существующие подходы к сотрудничеству с диаспорой

Отток высококвалифицированных академических кадров как явление, и возможности использовать академические диаспоры как ресурс для развития национального высшего образования и исследовательской отрасли привлекают сегодня

⁵ Aghion, Ph. and P. Howitt (1998) *Endogenous Growth Theory*. Cambridge, MA: MIT Press; Aghion, Ph. And P. Howitt (2005) “Appropriate growth policy: a unifying framework”, The 2005 Joseph Schumpeter lecture delivered to the 20th Annual meeting of the European Economic Association.

⁶ См., в частности, Beine, M., F. Docquier and H. Rapoport (2001) Brain drain and economic growth: theory and evidence. *Journal of Development Economics*, Volume 64, 1, Pages 275-289; Mountford, A. (1997) Can a brain drain be good for growth in the source economy? *Journal of Development Economics*, Volume 53, 2, Pages 287-303; Stark, O., C. Helmenstein and A. Prskawetz (1997) A brain gain with a brain drain. *Economics Letters*, Volume 55, 2, Pages 227-234; Stark, O., C. Helmenstein and A. Prskawetz (1998) Human capita formation, human capital depletion, and migration: a blessing or a ‘curse’?. *Economics Letters*, Volume 60, 3, Pages 1291-1309; Saxenian, A., “From Brain Drain to Brain Circulation: Transnational Communities and Regional Upgrading in India and China,” *Studies in Comparative International Development*, vol. 40 (Summer 2005), pp. 35-61.

внимание правительств самых различных стран, в том числе, и развитых.⁷ Анализ мер, реализовывавшихся различными государствами в этой области, позволяет выделить несколько возможных подходов к проблеме оттока ученых.⁸ Во-первых, это подходы, предполагающие воздействие на индивидуальных ученых, от принуждения к возвращению до адресного стимулирования. В прошлом некоторые развивающиеся страны экспериментировали с мерами по физическому ограничению мобильности: например, в Индии существовал де-факто запрет на эмиграцию медицинского персонала. В настоящее время в развивающихся странах (например, Колумбии) существуют программы, предоставляющие стипендии на обучение за рубежом в обмен на обязательство отработать затем определенное число лет на родине; в случае невыполнения обязательства, с получателя стипендии взыскивается вся полученная им сумма. Более интересны меры, направленные на привлечение индивидуальных ученых путем предоставления им специальных грантов на родине и т.д., однако успех таких программ не очевиден. Эти программы не устраняют системных факторов, которые изначально побудили ученого уехать, и поэтому подобные индивидуальные меры, при всей своей дороговизне, не могут гарантировать его долгосрочного удержания в стране. Существует также и проблема «неблагоприятного отбора»: подобные программы привлекают, скорее всего, ученых, у которых менее всего шансов добиться успеха за рубежом.

Второй подход предполагает не воздействие на индивидуальных ученых, а стремление создать в стране более благоприятные условия для исследовательской работы в целом. Сюда относятся системные меры, как правило, направленные на изменение системы найма и продвижения по карьерной лестнице в высшем образовании; системы оценки качества работы и системы оплаты труда, с упором на публикации в

⁷ О ситуации с оттоком академических кадров (и принимаемых в связи с этим мерах) в ЕС, см., в частности: Fallon, Daniel (2008) "Germany's 'Excellence Initiative'", *International Higher Education*, #52; Guth, Jessica. "Triggering Skilled Migration: Factors Influencing the Mobility of Early Career Scientists to Germany." *Focus Migration Policy Brief 6* (2007); Johnson and Regets (1998) "International mobility of scientists and engineers to the US – brain drain or brain circulation?", *NSF Issue Brief 98-316*; Marginson, Simon and Marijk van der Wende (2007) "Globalization and Higher Education", *OECD Education Working Papers #8*; Musselin, Christine (2000) "European Academic Labor Markets in Transition", *Higher Education*, #49, 135-154; Saint-Paul, Gilles (2004) "The Brain Drain: Some Evidence from European Expatriates in the United States", *IZA discussion paper #1310*; Tritah, Ahmed (2008) "The Brain Drain Between Knowledge Based Economies: Ethe European Human Capital Outflow to the US", *CEPII Working Paper #2008-08*.

⁸ B. Lindsay Lowell, *Policy Responses to the International Mobility of Skilled Labour*. International Labour Office, Geneva, International Migration Branch. International Migration Paper 45

международных реферируемых журналах; системы распределения исследовательского финансирования; повышение качества послдипломного образования в целом и создания благоприятных условий для молодых исследователей в частности.

Наконец, в-третьих, можно выделить группу подходов, нацеленных на использование академической диаспоры как ресурса для развития (обзор современных подходов и практик представлен, в частности, в сборнике Kuznetsov 2006). В рамках этого подхода предполагается использование естественной склонности мигрантов к поддержанию контактов с родной страной. Эти контакты становятся каналами для привлечения инвестиций, а применительно к технологическим и академическим диаспорам – для передачи ноу-хау и технологий в различных формах. Контакты эти во многом складываются сами собой, однако правительства и международные организации реализуют также специальные программы по их развитию. В рамках таких программ представители диаспоры привлекаются в качестве временных консультантов во время их краткосрочных визитов на родину – власти в этом случае могут оплачивать их проезд и помогают установлению контактов представителе диаспоры с местными организациями. Другая форма использования академических и технологических диаспор в качестве ресурса предполагает их более долгосрочное привлечение к сотрудничеству, например, в виде участия в совместных с учеными на родине исследовательских проектах; временный проезд на родину (полгода-год) для проведения исследований и преподавания; привлечение в качестве постоянных консультантов/«удаленных»/приезжающих научных сотрудников и преподавателей.

Примером такого подхода может служить политика китайского руководства, представители которого уже в конце 1980х предлагали рассматривать высококвалифицированную диаспору как «накопление интеллектуального потенциала за рубежом». Начиная с 1994 г. в правительственных документах появляется также концепция «временного возвращения» как приемлемого с официальной точки зрения поведения, совместимого с нормами китайского патриотизма. В 2001 году лозунг *huiguo fuwu* («Возвращайтесь и служите родине») был официально заменен на *weiguo fuwu* («Служите родине»), таким образом, подчеркивая, что репатриация не является обязательным требованием. Начиная с этого времени государственные органы пропагандируют так называемую «модель гантели» - имеется в виду, что подобно гантели,

китайский профессионал может иметь две точки опоры – в Китае и за рубежом. Выдвигается также модель «гибкой мобильности», в рамках которой представитель диаспоры может приезжать только когда это нужно/удобно ему и принимающим китайским институтам, а также модель «использования, но не владения», в рамках которой представитель диаспоры сотрудничает с китайским институтом, формально не становясь его работником.⁹

Анализ существующих исследований, посвященных опыту взаимодействия с национальными академическими диаспорами в различных странах, позволяет сделать еще несколько выводов, имеющих прямое отношение к теме настоящего исследования. Во-первых, все чаще встречается точка зрения, что в ряде случаев полное возвращение представителей научной диаспоры на родину не только труднодостижимо, но и нецелесообразно. В частности, в той же КНР высказывается точка зрения, что некоторых наиболее высококвалифицированных представителей академической диаспоры даже и не надо подталкивать к возвращению на родину, так как Китай пока не может себе позволить создать соответствующую их уровню научную инфраструктуру, и поэтому будет продуктивнее, если они останутся пока работать за рубежом. Это связано отчасти и с тем, что подавляющее большинство стран мира просто физически не смогут себе позволить создание исследовательского университета, способного конкурировать на равных с ведущими мировыми центрами, а значит, и оптимально использовать ведущих ученых-выходцев из этих стран. Более важно, однако, что миграция ученых вообще не может сегодня описываться только в терминах «отъезд – возвращение». На определенных этапах карьеры получение опыта работы в ведущих исследовательских центрах становится необходимым элементом научной карьеры.

⁹О проводимой в КНР политике в отношении академической диаспоры см., в частности, Brzezinski, Michael, "Migration and opportunities: A qualitative understanding of the Chinese student brain drain phenomenon," NAFSA Working Paper, No. 41. Washington, D. C.: NAFSA, 1994; Cao, Cong, and Richard P. Suttmeier, "China's New Scientific Elite: Distinguished Young Scientists, the Research Environment and Hopes for Chinese Science," *The China Quarterly*, No. 168, (December 2001): 960-984; Chang, Parris and Zhiduan Deng, "The Chinese brain drain and policy options". *Studies in Comparative International Development*. 27 (1), (Spring, 1992): 44-60; Ma, Wanhua, "The Flagship University and China's Economic Reform," in Philip G. Altbach and Jorge Balán (Eds), *Transforming Research Universities in Asia and Latin America: World Class Worldwide*, Johns Hopkins University Press, Maryland, 2007; Liu, Nian Ca, "Research Universities in China: Differentiation, Classification, and Future World-Class-Status," in Philip G. Altbach and Jorge Balán (Eds), *Transforming Research Universities in Asia and Latin America: World Class Worldwide*, Johns Hopkins University Press, Maryland, 2007; Zweig, David, and Chung Siu Fung, "Redefining the Brain Drain: China's 'Diaspora Option'," *Center on China's Transnational Relations, Working Paper No.1, The Hong Kong University of Science and Technology*, 2006.

Во-вторых, результаты реализуемых программ по возвращению представителей национальных академических диаспор неоднозначны. Примеров безусловно успешных программ, по большому счету, нет: наиболее успешными можно считать программы в относительно небольших (по крайней мере, с точки зрения своей академической отрасли) странах, где речь идет в общей сложности о десятках специалистов.¹⁰ Характерен пример того же Китая, развернувшего самые, пожалуй, масштабные усилия в этой области. Несмотря на значительные вложенные средства, примеров возвращения действительно крупных специалистов есть лишь единицы, и практически во всех случаях речь идет о «полувозвращении» с сохранением институционализированных связей с зарубежными научными центрами.¹¹

В-третьих, практика показывает, что с точки зрения привлечения ее к работе на родине, академическая диаспора распадается на два сегмента. С одной стороны, это состоявшиеся ученые, уже начавшие и успешно строящие свою карьеру зарубежом, с другой – это молодые специалисты, только получившие степень PhD и выходящие на глобальный академический рынок труда. (Здесь, впрочем, уместен вопрос насколько их вообще имеет смысл воспринимать как представителей диаспоры). Цели и мотивации представителей этих двух сегментов сильно различаются, как различаются и их реакция на различные программы. Хотя, как уже говорилось, Китаю не удалось привлечь значительного числа крупных ученых-представителей диаспоры, в университетах КНР уже работают сотни специалистов, вернувшихся на родину сразу после получения степени PhD и обладающих определенными «транснациональными навыками».¹²

Наконец, в-четвертых, отдельной темой является проблема интеграции возвращающихся на родину или привлекаемых к сотрудничеству представителей диаспоры. Все более очевидно, что важно не только привлечь представителей диаспоры к

¹⁰ См. например, MacRae M., Wight M., A Model Diaspora Network: The Origin and Evolution of Globalscot // Kuznetsov E. (ed.), *Diaspora Networks and the International Migration of Skills*, 2006.

¹¹ Например, Пекинский университет и Университет Синьхуа смогли привлечь до 300 преподавателей, получивших степень PhD за рубежом, каждый. Однако научный уровень возвращающихся не всегда высок: несмотря на тенденцию к росту числа возвращающихся ученых, есть данные, что лучшие специалисты по-прежнему остаются за рубежом. Согласно одному из исследований, среди 300 ведущих (по таким критериям как престижность их университета, занимаемые должности, получаемые гранты) ученых в области наук о человеке, родившихся в Китае, лишь 5 вернулись в Китай, и ни один из этих пяти не входит в верхние 25% рейтинга.

¹² См, например, “Transnational capital: valuing academic returnees in a globalizing China,” in C. Li (ed.) *Bridging Minds Across the Pacific: US-China Educational Exchanges, 1978–2003*, Lexington, MA: Lexington Books, pp. 111–132.

сотрудничеству, но и в полной мере использовать их потенциал. Местные академические элиты, вполне предсказуемо, зачастую отторгают «пришельцев» или, наоборот, кооптируют их. Примером относительного успеха в этом отношении опять-таки является Китай, где в некоторых ведущих университетах удалось создать критическую массу преподавателей, получивших степень PhD за рубежом и формирующих новую корпоративную культуру и новые стандарты исследовательской работы. Готовность российской академической среды к сотрудничеству с представителями диаспоры является одной из приоритетных тем для дальнейшего изучения.¹³

Диаспоры

Исследования показывают, что готовность представителей диаспор к сотрудничеству зависит от целого ряда факторов. Например, в случае КНР наименее склонны к контактам с институтами на родине представители диаспоры на средней стадии их научной карьеры, когда они тратят все свои усилия на завоевание позиций и репутации по месту своей основной работы за рубежом. Наоборот, совсем молодые ученые рассматривают все варианты будущей карьеры, и потому интересуются и возможностями на родине. Более старшие, заслуженные ученые также интересуются такими контактами, так как они уже завоевали себе репутацию и могут себе «позволить» отвлекаться а такую деятельность: здесь сказываются как альтруизм и желание помочь родине, так и стремление, наоборот, обеспечить себе приток талантливых докторантов из Китая.

По результатам одного из опросов постоянные академические или коммерческие контакты с китайскими институтами есть у порядка 50% представителей диаспоры. Порядка трети опрошены представители диаспоры заявили, что у них есть формальные связи с институтами на родине, и 40% из них заявили, что работают там в качестве «специальных преподавателей /исследователей». Показательно, что порядка 5% представителей диаспоры говорят о готовности вернуться в Китай на долгосрочной

¹³ См “Transnational capital: valuing academic returnees in a globalizing China.” Негативные примеры, в частности, отмечаются в случае Индии, где академический истеблишмент успешно сопротивлялся «пришельцам». См, в частности, Jayaram, N., “Beyond Retailing Knowledge: Prospects of Research-Oriented Universities in India,” in Philip G. Altbach and Jorge Balán (Eds), *Transforming Research Universities in Asia and Latin America: World Class Worldwide*, Johns Hopkins University Press, Maryland, 2007; Khadria, B., “Case Study of the Indian Scientific Diasporas”, chapter 9 in Paris. Barré, R., V. Hernandez, J-B. Meyer and D. Vinck (eds.), *Scientific Diasporas*, IRD, Paris, 2003; Report of the High Level Committee on the Indian Diaspora, Indian Council of World Affairs, New Delhi, 2001.

основе; лишь малая доля представителей диаспоры вовсе исключает такую возможность. Исследования начала 1990х показывали, что ключевым фактором, определяющим готовность или неготовность к возвращению представителей диаспоры в Китае было восприятие ими политической ситуации на родине и ситуации с правами человека. Исследования начала 2000х, однако, показывают, что этот фактор перестал быть ключевым, и главным препятствием к возвращению являются опасения непрофессионализма коллег в китайских институтах.

Большое значение диаспорных сетей как канала для трансфера технологий, знаний и навыков, формирования бизнес-контактов к настоящему времени сравнительно хорошо изучено¹⁴. Студенческие и академические сети подобного типа также способствуют обмену информацией и налаживанию связей, однако их потенциал с точки зрения развития родины более ограничен. Немаловажно и то, что лишь немногие страны имеют достаточно многочисленные когорты своих граждан-ученых за рубежом для формирования диаспор. Уже накопленный опыт показывает, что в академической сфере (в отличие от бизнеса высоких технологий) даже при поддержке государства попытки искусственно создать диаспорные сети и использовать их как инструмент государственной политики весьма часто не приносят ощутимой отдачи.

Часть 2. Российская академическая диаспора и возможности сотрудничества с ней: данные интервью

<Задачи исследования>. Базовое предположение исследования заключалось в том, что ученые, работающие за рубежом и имеющие какое-либо отношение к России, заинтересованы в сотрудничестве с ней. Как правило, изучение российских ученых за рубежом посвящено весьма многочисленной категории работающих в естественно-научных и инженерных дисциплинах – в ходе данной работы рассматривались исследователи из области социально-экономических наук. К таковым, по решению

¹⁴ О диаспорах см. Kuznetsov, Ye., Ed. (2006) *Diaspora Networks and the International Migration of Skills*, the World Bank, Washington, DC; Seguin, B., Singer, A., Daar, A. "SCIENCE COMMUNITY: Scientific Diasporas". 2006. *Science* 312\5780; Meyer, J-B., Brown, Mercy (1999). *Scientific diasporas: a new approach to the brain drain*. Management of social transformations - MOST, Discussion Paper No. 41. Prepared for the Conference on Science, UNESCO-ICSU; Johnson, B., Sedaca, S. (2004). "Diasporas, Émigrés and Development: Economic Linkages and Programmatic Responses," Study conducted under the Trade Enhancement Service Sector (TESS) Project under Contract for the U.S. Agency for International Development, Washington, D.C.: Carana Corporation, January 2004; Biao, Xiang, "Promoting Knowledge Exchange through Diaspora Networks (The Case of People's Republic of China)," A report written for the Asian Development Bank. ESRC Centre on Migration, Policy and Society (COMPAS), University of Oxford, 2005.

организаторов исследования, были отнесены: экономика, история, социология, политология, психология, менеджмент (включая логистику), право, философия, образование, коммуникации, международные отношения.

Спрос на эти направления подготовки в России остается высоким, и ряд вузов накопил достаточный потенциал для того, чтобы интенсифицировать международное сотрудничество в перечисленных областях. Однако, как его наладить в условиях ограниченных ресурсов и высокой конкуренции за квалифицированные кадры, не вполне очевидно. В этом отношении изучение возможностей сотрудничества с теми, кто может иметь предрасположенность к совместной работе с россиянами, представляется вполне обоснованным.

Подобное видение проблемы и определило задачи описываемого исследования: выявить уровень заинтересованности в сотрудничестве с российскими вузами среди коллег российского/советского происхождения, а также возможные формы организации этого сотрудничества.

<Данные>. Отсутствие ранее проведенных исследований по данной теме во многом повлияло на дизайн исследования: чтобы получить максимально развернутые представления о слабо изученном поле было решено использовать метод экспертных интервью – анализ полученных с его помощью результатов приводится в данном разделе; возможность проверки самых общих изначально сформулированных гипотез была заложена в опросе, проведенном с помощью прямой электронной рассылки – он позволил получить количественные данные, анализ которых приведен в следующем разделе.

Для обоих блоков исследования принадлежность к академической диаспоре определялась по двум основным критериям:

1) Культурная связь: корни в России или странах бывшего СССР. Рассматривались также потомки иммигрантов, родившиеся за границей, при условии сохранения у них интереса к России. Критерий владения русским языком являлся необязательным;

2) Профессиональная принадлежность: исследовательская / преподавательская работа в университетах, консалтинговых структурах. Рассматривались как состоявшиеся исследователи, интегрированные в соответствующее профессиональное сообщество, так и студенты последних лет обучения программ Ph.D.

Иными словами, было заложено достаточно широкое толкование как собственно диаспоры (отсутствие требования внутренних связей, широкая интерпретация

идентичности, расширенное определение географии происхождения), так и ее академичности (включение исследователей-практиков наряду с исследователями-теоретиками, обращение к молодежи, выбравшей академический тип подготовки, что не всегда означает последующую академическую карьеру).

Экспертные интервью собирались в Европе и США, в основном по телефону. Основной сложностью сбора данных на этом этапе была занятость экспертов – при всей готовности помочь и откликнуться на просьбу дать интервью они часто не имели свободного времени для беседы, что значительно растянуло изначальные временные рамки этого элемента исследования.

<Метод>. Интервью было организовано вокруг ряда тем:

- Образовательная и профессиональная карьера, мотивация прихода в академическую среду, каналы интеграции в международное академическое сообщество, <ретроспективная> готовность сотрудничать с российскими исследователями;
- Знакомство с российским исследовательским сообществом, представление о нем, опыт совместной работы;
- Оценка возможностей усиления сотрудничества российских вузов с зарубежными исследователями, обсуждение форм и инструментов подобного сотрудничества.

Подобный выбор тем обусловлен соображениями относительно возможных предикторов готовности сотрудничать с российскими коллегами: по ходу карьеры могут формироваться предпосылки к сотрудничеству с российскими исследователями или отказу от него; формальные вопросы об оценке российского академического сообщества помогают понять, как коллеги за рубежом представляют себе возможных контрагентов в России; непосредственное обсуждение главной темы исследования – форм сотрудничества – нацелено на генерирование новых идей и подходов, обмен возможными соображениями.

1. Академическая карьера и основания для сотрудничества с Россией

В план интервью было заложено предположение о распространенности разных типов связей с Россией у разных категорий представителей диаспоры. Предполагалось, что связи могут как отсутствовать вовсе, так и варьироваться от общеэмоциональных – друзья, родственники, привязанности – до интенсивно-профессиональных, в которых работа за рубежом в определенной степени зависит от работы в России. Последняя модель предположительно чаще распространена среди тех, кто работает в сфере естественных

наук или математики, тем не менее, может быть представлена и в других профессиональных сообществах.

Мы исходили из того, что связи можно интерпретировать как уже имеющийся ресурс, отдачу от которого рационально действующий исследователь может стремиться максимизировать. Таким образом, наличие связей – естественное основание для интереса к сотрудничеству с Россией. Напротив, их отсутствие налагает дополнительные требования к предложениям с российской стороны – они должны быть конкурентными относительно других вариантов инвестирования собственного времени и сил.

Определить наличие профессиональных связей помогли анализ биографии и прямые вопросы экспертам. Как уже упоминалось выше, в рабочем определении российской академической диаспоры, выбранном для целей данного исследования, заложено большое разнообразие типов живущих и работающих за рубежом специалистов, что влияет и на выявленные типы профессиональных карьер. Наиболее удобной представляется следующая условная их классификация:

- Родившиеся за рубежом потомки российских эмигрантов – получили образование за рубежом, их ощущение своей принадлежности к России зависит от родительской семьи и личного выбора.
- Те, кто переехал за рубеж, получив образование в России и начав здесь свою карьеру. Эта категория обладает связями внутри страны и известна российским исследователям как минимум по прошлому опыту.
- Россияне, получавшие образование за границей, могли до этого также учиться в России, или не иметь подобного опыта. Многие правила работы, сложившиеся в российском сообществе, могут быть им неизвестны, прямых контактов с российскими коллегами у них может не быть.

Рассмотрим несколько примеров для каждой из выделенных групп, чтобы понять их возможные особенности.

Родившиеся за рубежом потомки российских эмигрантов

<А> Профессор экономики из университета Сорбонны. Потомок семьи российских эмигрантов первой волны. Всегда чувствовал свою связь с Россией, испытывал к ней большой интерес, был связан с российской культурой:

«Мы говорили по-русски с самого детства. У меня двойное, в общем, ощущение языка. Какой родной язык – это трудный вопрос. С одной стороны, русский, а с другой стороны, конечно, я лучше и точнее выражаюсь на французском языке. Но, с другой стороны, самый родной – это русский, так что это сложно».

«...Я начал читать по-русски и часто читал по-русски, – это было очень важно. ... Второе – у нас была среда – не только семья – среда юношеских организаций. Мы следили за

тем, что происходит в Советском Союзе. ... Потом, конечно, тот факт, что мы верующие, и церковное богослужение также дает некую основу. ... Потом культурные традиции: стихотворения, поэмы, песни. Мы очень любим петь по-русски».

«Целый комплекс разных элементов, которые сводятся к тому, что ты не такой, как твой сосед француз, потому что у него корни здесь где-то, а мои корни не здесь». «У нас двойная культура, и мы, конечно, всегда интересовались Россией».

При этом как исследователь не занимался российской проблематикой до начала переходного периода: *«до девяностого года это было немыслимо. Я абсолютно не занимался российскими и советскими темами до того...»,* но *«когда появились возможности, я с большим удовольствием этим занялся».*

Основной мотив при этом – ощущение собственной принадлежности к российской культуре и желание помочь стране, связь с которой продолжает ощущаться в семье:

«Это являлось в некоторой степени служением общему делу для нашей эмиграции, то есть эмиграции наших отцов и дедов. То, чему ты здесь научился, и как ты здесь воспитывался, – это передать в Россию».

С начала 1990-х годов активно сотрудничает с российскими коллегами, инициирует или поддерживает различные программы совместной работы и т.п.

В этом примере сотрудничество с Россией является самостоятельным элементом жизненной стратегии – ресурсы, к которым эксперт имел доступ благодаря своим профессиональным достижениям (знания – профессиональные, институциональные, – связи и т.п.) часто используются для достижения макроцели – обеспечения условий экономического и культурного подъема страны происхождения.

<В> Профессор экономики из университета Сорбонны, имеет российские корни, сотрудничает с Россией с конца 1970-х годов. Когда впервые поехал в Советский Союз, только получив звание профессора во Франции, родители умоляли остаться – *«Советы тебя не выпустят обратно»*, но он был уверен в своем статусе члена официальной французской делегации. С тех пор завязал большое число контактов в стране – несколько раз приезжал в Советский Союз после той первой поездки по приглашению институтов-партнеров (ИМЭМО сотрудничал с Сорбонной) или на консультации заинтересованных организаций по своей теме (как эксперт в области экономики спорта был приглашен Госкомспортом СССР). Продолжил активное сотрудничество с Россией во время переходного периода – читал лекции в МГУ, готовил преподавателей для чтения аналогичных курсов на международном уровне. Продолжает приезжать в Россию для чтения лекций, консультаций: *«В апреле 2008 я читал лекции в Екатеринбургском гос. университете – был полный амфитеатр. Я получил приглашение приехать в следующем году, а также руководить пятью магистерскими диссертациями».* Имеет много знакомых среди российских исследователей, благодаря чему частично включен в жизнь российского сообщества (участвует в ряде конференций, проводимых в России, приглашает россиян на мероприятия, которые организует сам): *«Я отвечал за организацию конференции в Мадриде в марте 2009, и мы заметили, что среди участников нет представителей переходных экономик – я сразу написал своим российским коллегам, и сейчас у нас три докладчика из России».*

В данном примере сотрудничество с Россией является одним из элементов профессиональной карьеры – как и сотрудничество с другими странами. Связи формируются в процессе профессионального общения, доступ к которому обеспечивает имеющийся статус, а также открытость новым возможностям сотрудничества.

<C> Американский социолог из университета Беркли, чьи предки родом из Российской империи: *«Моей мечтой всегда было проведения полевых исследований в России, но это было невозможно. Я приехал в первый раз, как только это стало возможно – в 1991 году. ... Моей мечтой было попасть в Днепропетровск – город, откуда родом был мой отец (тогда это было Екатеринославль). Да, думаю, я чувствую себя связанным с Россией. Моя мать говорила по-русски – вся моя семья, дяди и т.п. – все были русскими»*. Но связей с профессиональными социологами из России, несмотря на опыт весьма продолжительной работы, не сложилось.

Последний случай особенно интересен тем, что при наличии предпосылок для развития сотрудничества (общий интерес к поездке на родину предков, профессиональный интерес к изучению России) оно не сложилось. Наиболее вероятные причины – отсутствие интереса как со стороны эксперта, больше ориентированного на решение собственных профессиональных задач, чем на установление связей со страной происхождения своих предков, так и со стороны российского исследовательского сообщества.

Родившиеся за рубежом потомки российских эмигрантов, как правило, обладают гражданством соответствующей страны. Выбор ими академической карьеры редко связан с их происхождением. При благоприятных условиях готовы к сотрудничеству с Россией, но сами его редко иницируют. На основании имеющихся данных можно предположить, что активная позиция в отношении совместной работы с Россией чаще характерна для тех, кто активно поддерживает российскую идентичность и интерес к России, что может быть также связано с принадлежностью к религиозным сообществам, дополнительно подкрепляющим подобную идентичность.

Получившие образование в России

<D> Британский исследователь, одинаково хорошо интегрированный и в российское, и в западное академическое сообщество. Получив образование в СССР, и начав свою академическую карьеру там же, этот ученый получил также западное образование, что позволяет в полном смысле слова работать на стыке двух сообществ, сохраняя накопленные ранее связи: *«У меня никогда эта связь с Россией не пропадала. То есть, я вот как работала с ХХХ – я их так же всех знаю и с ними работаю. Как я знаю ребят из УУУ – я так их и знаю. И так я читаю их, они читают меня, то есть, там ничего не разрывается»*.

Проблемы поддержания связи с Россией, характерной для эмигрантов первой волны и их потомков, лишенных такой возможности в советское время, не возникает: *«Когда меня спрашивают: «А Вы скучаете по России?» - я говорю: «Это глупый вопрос! Если я соскучилась, так я беру и еду»*.

Основной мотив сотрудничества – исследовательские интересы, основной инструмент – связи: *«Если мне надо, я поехала туда, если мне надо, я поехала сюда. ... Нужно какой-то проект проверить – позвонила двадцати людям, кто-то откликнулся. Опубликовали там, сям»*.

Накопленные ранее связи используются как элемент построения профессиональной карьеры – сотрудничество с Россией рассматривается как один из возможных вариантов

ее развития. Подобную позицию можно считать наиболее типичной – ее же демонстрировали примеры и <C> с той разницей, что для них связи с российским сообществом появлялись (или нет) в процессе взаимодействия с его представителями, а здесь они уже были, и выбор заключается в том, использовать ли их. Похожий пример и позиция (см. случай <E>) позволяют лучше понять, каким образом принимаются подобные решения.

<E> Американский социолог, учился в России, активно занялся социологией после ее официального разрешения в СССР, включаясь, в том числе, в различные проекты зарубежных ученых: *«Тогда было полно уже ученых западных, начинали они в России изучать. И они искали людей, кто может с ними работать, со статнавьяками и так далее... То есть фактически оказался «в самое удачное время в правильном месте» ... Вокруг Института социологии многое тоже чего крутилось, я там постоянно время проводил. Все эти западники приезжали, я работал с очень многими, сначала подрабатывая просто на проектах, и как-то втягивался».*

Как и в случае <D>, начал получать образование за рубежом, поддерживая накопленные ранее связи: *«Да, я постоянно приезжал. Я и свою диссертацию же делал по России, то есть я постоянно наезжал, да, по всяким этим проектам. ... Делаешь проекты, собираешь данные, пишешь работу».*

В настоящее время связи с российскими коллегами не такие интенсивные: *«У меня связи не настолько сейчас близкие». «Уже оказавшись здесь, я привлекаю ребят, с которыми раньше мы вместе работали. Сейчас я привожу финансирование отсюда. И с ними делаю проекты там «в России»». «Просто уже сейчас я не очень могу... не могу так же поддерживать отношения, допустим, как, когда я был там».*

Сложность поддержания связей на прежнем уровне объясняется дефицитом времени и необходимостью выбирать иные приоритеты: *«Надо участвовать в этой жизни интеллектуальной. Допустим, в октябре был большой конгресс. Я хотел вырваться, но у меня просто не получалось». «Я же не tenured, я не могу делать, что хочу. ... Я пока занимаюсь только research, это меня интересует. ... Мне нужно публиковаться здесь, публиковаться в топ-журналах, чтобы выходить с нашими в сотрудничестве на публикации в топ-журналах – это непросто. Это все-таки не та школа немножко, и не те ориентации. Поэтому как бы пишешь здесь, работаешь здесь».*

Развитие карьеры накладывает очевидные дополнительные ограничения на готовность и возможность живущих за рубежом россиян кооперироваться со своими соотечественниками.

Те, кто переехал за рубеж, получив образование в России, часто были интегрированы в российское профессиональное сообщество, что позволяет их считать самой перспективной частью диаспоры с точки зрения выстраивания отношений с российскими коллегами: карьера за рубежом для этой категории исследователей, как правило, – продолжение работы, начатой в России. Они часто обладают связями в российском профессиональном сообществе, что означает не только лучшее понимание особенностей его функционирования, но и определенные эмоциональные отношения, привязанности, большую заинтересованность в совместных работах и т.п. Вместе с тем, эти люди к

настоящему моменту часто находятся на пике своей карьеры или близки к нему, что означает обилие обязательств, конкурировать с которыми должны предложения российских вузов.

Получившие образование за рубежом – недавние выпускники программ PhD

<F> Недавно получив степень PhD в одном из ведущих университетов США, этот эксперт сейчас организует собственный бизнес. Первое образование эксперт получил в бывшем СССР, но академической карьеры и соответствующих связей здесь в тот момент не было сформировано, т.к. окончание вуза совпало с началом переходного периода и отсутствием спроса на научные исследования: *«Когда я окончил университет по специальности «Философия», философы, скажем так, были не востребованы на всем постсоветском пространстве»*. Тогда эксперт решает получить другое образование: *«То есть получить более практическую специальность, которая будет котироваться и даст мне возможность получить работу не только в России, но и на Западе»*. При этом интерес к работе в академической сфере присутствовал, но не был доминирующим: *«Я думал о том, чтобы заняться академической карьерой, честно Вам скажу. Мне было интересно делать исследования, публиковаться, может быть, даже преподавать, но в меньшей степени»*. Тем не менее, продолжение обучение было ориентировано исключительно на получение более привлекательных возможностей на рынке труда: *«Я, собственно говоря, когда поехал учиться в Венгрию, это было своего рода намерением «переквалифицироваться в управдомы». То есть чисто практический интерес»*.

Однако, система обучения часто построена таким образом, что стимулирует у талантливых студентов интерес к академической карьере – предлагая дополнительные возможности, организовывая привлекательные конкурсы и т.п.: *«Там у нас так все было поставлено, что нам всем помогали дальше куда-то поступать на PhD»*. Узнав о конкурсе, проводимом одним из ведущих американских университетов, привлеченный именем вуза и природным любопытством, эксперт подает документы и выигрывает грант на обучение: *«Если бы этого гранта не было бы, я, конечно, вряд ли я бы решился там брать кредит и поступать на PhD, этого практически никто не делает, как Вы понимаете. Я бы, скорее всего, вернулся бы в Россию и стал бы заниматься чем-то более практичным, чем получение дальнейшего академического образования»*.

Работал в России некоторое время: *«Мне предложили неплохую зарплату и одновременно с этим возможность делать исследования. И те, кто меня нанимал, они практически никак не ограничивали мои исследовательские интересы. Вот это на тот момент мне показалось возможностью приехать в Россию и попытаться себя реализовать как научный исследователь, причем делать исследования на интересные темы. ... Мы делали всякие интересные исследования, и мне нравилось именно то, что я могу делать те исследования, которые я считаю важными, а не то что там, понимаете, мне начальник навязал, особенно, если бы он мне навязывал, какие выводы мне нужно делать из этого исследования»*. Но потом не смог найти аналогичных по привлекательности условий: *«В каждом из случаев, когда я пытался устроиться, ситуация складывалась таким образом, что она меня не устраивала»* – о препятствиях к сотрудничеству и необходимых условиях оного.

В этом случае изначально отсутствовали связи в соответствующем профессиональном поле как в России, так и за рубежом, но общий уровень активности самого респондента и внешняя институциональная поддержка обеспечили вхождение в международную академическую среду. В определенном смысле, уже принадлежность к

этой среде, а также собственные интересы определяли условия для сотрудничества с Россией.

Еще один пример постепенного вхождения в академическую среду:

<G> Аспирант по экономике North-Western University в Чикаго, родом из Латвии. «У меня получилось так, что я на один семестр ездила в Англию как exchange student, когда училась на бакалавра. Это был первый раз, когда я уехала из дома в другой стране учиться, это дало мне хороший толчок, открыло горизонты, что есть возможность куда-то поехать. После того, как я съездила (это было в конце третьего курса), я решила попробовать куда-то поступать после того, как бакалавра закончу. Но вообще я собиралась только получить магистра и потом возвращаться обратно и работать [не в академической сфере]. Магистратура мне понравилась, поэтому мне захотелось дальше идти по этой стезе. И больше возможностей, и какой-то вкус к этому появился».

В этом случае связи ограничены опытом обучения: «Мой бывший профессор, я его знаю довольно хорошо». Потенциальные основания для сотрудничества – исследовательские интересы: «Мне интересно это – какие-то общие темы».

Другие недавние выпускники программ PhD демонстрируют похожие стратегии построения карьеры: как правило, у них нет связей в российском академическом сообществе, и они с разной степенью интенсивности пытаются эти связи найти.

Для тех, кто получал образование за рубежом, особенности работы в российской академической среде неизвестны, у них часто нет связей с российскими центрами и единственной возможностью начать сотрудничество с российскими коллегами для данной категории представителей диаспоры является их собственная активность и направленный поиск вариантов совместной работы.

* * *

1. Полученные данные позволяют предполагать, что интерес к изучению России / совместной работе с россиянами / работе в России может быть связан с:

- эмоциональной привязанностью – общей, неспецифицированной к стране в целом, ее культуре, или конкретной – наличием родственников, друзей в России;
- хорошим знанием реальности, позволяющим легче ее анализировать, что удобно при академической карьере, требующей быстрой и эффективной работы по интересным проблемам;
- доступом к ресурсам (социальным связям, позволяющим собрать интересную информацию / легко организовать необходимые полевые исследования, базам данных и т.п.), также облегчающим исследовательскую работу.

2. Три выделенных поколения демонстрируют несколько различающиеся линии поведения в отношении сотрудничества с Россией. Молодежь решает вопрос о том, что делать после окончания учебы, сравнивает имеющиеся варианты и готова откликнуться на конкурентоспособные предложения (привлекательность зависит от ряда параметров, о которых см. далее). Среднее поколение активно строит свою карьеру, включено в весьма жесткую систему обязательств и может включаться в совместные проекты, если они вписываются в общий контекст работы. Наличие связей и хорошее знание реальности помогает поддерживать связи, но сделанные ранее инвестиции в собственное положение на международном академическом рынке накладывают свои требования и ограничивают их доступность для совместных проектов. Для старшего поколения, представленного в исследовании потомками российских эмигрантов первой волны, сотрудничество с Россией может интерпретироваться и как особое направление собственной профессиональной деятельности, и как один из вариантов международного сотрудничества. Привлекательность последнего оценивается по внутренним, своим для каждого эксперта, критериям.

3. Как следует из данных интервью, важным условием интеграции талантливой молодежи в академическую среду является политика самого вуза или академического сообщества в целом, конкурирующего с бизнесом за перспективные кадры. Большинство наших респондентов не особенно стремились заниматься исследованиями, но открывающиеся перед ними возможности, поддержка и признание стимулировали их интерес к этой сфере и способствовали их постепенной интеграции в академическую среду (из уже упомянутых примеры , <C>, <F>, <G>, частично <D> и <E>). Если расширить этот пример, то можно полагать, что создание инициатив для привлечения талантливой молодежи в российскую академическую среду, также способно привести к положительным результатам. Конечно, в том случае, если найдены верные стимулы и использованы интересные для целевой аудитории формы поддержки.

4.

2. Условия и ограничения для сотрудничества

Обсуждая необходимые условия для работы международных специалистов в России, чаще всего называют два: оплату труда и социальный климат – функционирующую социальную систему, определенный уровень социальных свобод, и т.п. Безусловно, эти факторы упоминались и в ходе наших интервью – наряду с другими

мы разделили их между условиями, важными для налаживания сотрудничества, и ограничениями, препятствующими ему.

2.1. Условия для сотрудничества

Оплата труда

<F>: «Просто понимаете, те зарплаты просто несравнимы с тем, что на Западе. Это один из важных факторов. На Западе человек, такой, как я, может получить в академии не просто большую зарплату, а такую, которая может прокормить не только меня, но и мою семью. ... Я просто решил для себя, что академическая карьера в России – это не та вещь, которая может меня удовлетворить с материальной точки зрения».

<G>: «Хотелось бы, чтобы и нормальный доход был после этой учебы ... С одной стороны, хотелось бы, чтобы предложили, как в Америке платят, но они, конечно, здесь не могут. Но и цены, конечно, ниже. Поэтому так много не надо. Но с другой стороны, я знаю, что люди, с которыми мы вместе учились на бакалавра, ушли в частный сектор и получают очень хорошие деньги. В том плане, что я могла бы пойти по этому же пути. Поэтому мне не хочется возвращаться к чему-то такому... Я знаю, что у нас [Латвия] платят 600 долларов в месяц, если ты исследуешь что-то. Это, конечно, очень мало, это просто нереально».

Важно отметить, что структура беседы была построена таким образом, что респонденты сами высказывали свои требования, представления о возможных ограничениях, и следует отметить, что оплата труда называлась далеко не всеми. Наиболее охотно о материальных условиях, и ограничениях, которые они накладывают на возможности сотрудничества, говорили молодые люди, для которых выбор места приложения своих сил и талантов во многом определяет ожидаемый в дальнейшем уровень доходов. Для старшего поколения, уже обладающего накопленными как материальными, так и нематериальными ресурсами, сотрудничество с Россией является одним из возможных выборов, он совершается по разным мотивам, и максимизация именно доходов уже не является столь значимой, как на ранних этапах карьеры. Иными словами, данные интервью позволяют предполагать наличие различий в ожиданиях по условиям работы в зависимости от этапа карьеры.

: «Если меня попросят завтра утром прочесть лекцию в Париже, я назову такую-то ставку, но я понимаю, что российским университетам я не могу ее назвать – это будет для них слишком много. Или они согласятся лишь на один раз, и не смогут продолжить. Поэтому я готов адаптироваться – конечно, я иду навстречу лишь странам с переходной экономикой – если меня приглашают в Канаду или США, я называю свою обычную ставку».

<F>: «Если я смогу создать свой бизнес и заработать достаточно денег, чтобы больше было не нужно думать об их зарабатывании, то тогда может быть вернуться к преподавательской деятельности как к форме гуманитарной активности».

Дефицит платежеспособного спроса является, безусловно, важным ограничением, но он может быть компенсирован изменением условий: да, постоянное место работы

квалифицированного специалиста международного класса должно высоко оплачиваться, но есть возможность организации кратких визитов, рабочих поездок, совместных исследований и т.п. – форм, требующих меньших основных инвестиций, но позволяющих получить хорошую отдачу.

Содержание работы

Компенсировать не всегда привлекательные материальные условия могут прочие обстоятельства совместной работы. В первую очередь интересные темы, позволяющие работающим за рубежом ученым включить свое пребывание в России в общую систему карьеры, с ее текущими и перспективными задачами.

<В> отмечает, что контакты формируются, как правило, на индивидуальном уровне – между исследователями, заинтересованными в одной теме: *«на конференции в Москве ко мне подошел декан экономического факультета Уральского госуниверситета, мы обсудили наши темы, нашли много общего, и он предложил приехать с кратким курсом лекций»*. Именно исследовательские интересы являются основным мотивом для сотрудничества. Описывая себя, говорит также и о том, что *«путешествия, возможность узнать что-то новое, побывать в новом месте, тоже всегда немаловажны. Правда, есть места лучше Сочи или Екатеринбурга»*, именно поэтому исследовательские интересы стоят на первом месте.

<Е>: *«Мой интерес в этом – собрать хорошие данные и написать статьи для ведущих журналов»*.

<D>: *«У меня очень ограниченный ресурс времени. То есть, я просто постоянно работаю под какие-то большие проекты, дедлайны, и, в принципе, мне довольно тяжело согласиться на какое-то дополнительное сотрудничество. Но при этом, когда какие-то вещи совпадают, тогда с удовольствием»*.

<Н> Политолог, заканчивает аспирантуру в Гарварде: *«Если есть какие-то интересные темы, на которые работают те и другие, есть идеи, чтобы они вместе сотрудничали, то, конечно, есть шанс наладить сотрудничество»*.

Вновь для молодых людей, ищущих свою нишу в академическом пространстве, важнее получить доступ к интересным темам, данным, позволяющим сделать хорошие публикации и таким образом продвинуть свою карьеру, обеспечить себе признание в академическом сообществе. Среднее поколение, накопившее определенные ресурсы, готово к сотрудничеству, если оно вписывается в уже сложившуюся систему обязательств, во многом определяющую их приоритеты. Наконец, старшее поколение может позволить себе наибольшее число степеней свободы – совершает свой выбор, основываясь на большем наборе предпочтений.

Важно отметить, что российские коллеги на сотрудничество идут часто неохотно или не идут вовсе или предлагают такие формы его организации, которые не вписываются в ограничения наших респондентов.

Индивидуальное сотрудничество

Например, вузы часто стремятся оформить институциональное сотрудничество – с точки зрения российского вуза это понятный выбор, т.к. подобное сотрудничество обеспечивает дополнительный рыночный сигнал в системе российского высшего образования. Тем не менее, для исследовательской работы оно не требуется, а индивидуального интереса – основного условия совместной деятельности – многие респонденты не наблюдают.

<E>: *«Все хотят почему-то в России межинституционального сотрудничества с университетами или с факультетами, какие-то договоры с какими-то центрами. Здесь так не принято. Здесь работают индивидуальные исследователи. Нужно эти связи строить на индивидуальном уровне. Если я могу работать с X, я буду с ней работать. Если мне с Y нужно какую-то конференцию провести, можно провести конференцию».*

<A>: *«что поражало – очень мало кто был заинтересован в совместной работе. ... Когда мы принимаем людей во Франции – людей, которые читают или у нас лекции, или дают семинар и так далее, так все же хотят с ним встретиться, для того чтобы пообщаться, поговорить, поделиться опытом. ... И эти отношения могут вылиться и в то, что люди начинают писать совместные работы ... Это очень редко бывает, – по моему наблюдению, оно, конечно, ограниченное, – но это очень редко бывает с российскими преподавателями, когда французы едут в Россию».*

Возможные объяснения подобной ситуации могут быть самыми разными – от занятости текущими обязательствами, характерной для российских исследователей, от которых не требуется регулярно публиковать исследовательские результаты, до отсутствия традиции совместной исследовательской работы, дефицита соответствующей культуры, незнания доступных форм поддержки подобной деятельности и т.п., что подчеркивает значимость следующего условия не только для зарубежных исследователей, но и для россиян, заинтересованных в совместной работе с ними.

Наличие информации о возможностях исследовательской работы

Как было показано выше, наиболее эффективный способ выстраивания отношений внутри российской системы – использование личных связей. Социальные сети являются универсальным инструментом, помогающим во всех странах, но в условиях дефицита доступной информации их влияние значительно увеличивается. «Человек со стороны» фактически не имеет понятных возможностей вписаться в эту систему.

<I>: Недавний выпускник престижной европейской PhD программы, работает в исследовательском центре в Европе: *«У меня до сих пор есть желание сделать какие-то совместные проекты, конференции, публикации, как-то вписаться в российскую структуру, но*

почему-то не вписываюсь. Мне кажется, они более закрыты для иностранного контакта. Не для иностранцев, но они закрыты именно к русским исследователям».

<H>: «У меня есть знакомый, который бы очень хотел исследовать миграцию в России. Во-первых, он не знает расценок, на то, что здесь. Если ты кого-то знаешь, значит, ты договоришься, а иначе – навряд ли».

Это относится и к описанию программ, на которые могут претендовать исследователи из-за рубежа:

<H>: «Информации нет – допустим, на год какие условия: когда ты подаешь, сколько ты получаешь. Такого же нет».

Расширение информационной поддержки исследовательского сообщества в России способно сформировать дополнительный интерес к тем работам, что ведутся в стране, к перспективам совместных проектов. Информационная поддержка также может решать задачи налаживания понимания, формирования общих смыслов, взаимно понятных идей, что часто оказывается важно, если речь идет о специфических явлениях, характерных для переходной экономики / российской культуры и прочих не всегда понятных внешнему наблюдателю проявлений жизни в России.

<G>: «Все равно надо, чтобы тебя знали. Если это институт, который чем-то занимается, надо, чтобы о нем уже было что-то слышно. ... Все равно в России многое совершенно по-другому всё еще работает. Много чего интересного, но людям, которые со стороны, у которых нет «бэкграунда» в этой теме, тоже будет сложно. Поэтому все равно нужен эксперт в любой стране, чтобы можно было легче сотрудничать, чтобы он мог тебе объяснить, в чем проблема и почему это интересно».

Выстраивание персональных связей внутри информационно прозрачной системы представляется наиболее плодотворным рецептом организации сотрудничества. Это означает необходимость создания отсутствующего пока информационного пространства, позволяющего связывать индивидуальных исследователей, а также распространения стимулов к подобному сотрудничеству, неочевидных для многих россиян.

Поддержание связей, культура коммуникации

Одно из необходимых условий сотрудничества – устойчивое поддержание контактов, обеспечивающее возможность продуктивной совместной работы без постоянного физического контакта – «в удаленном режиме». Эта практика, по мнению многих респондентов, не является распространенной в России.

<I>: «Я им [коллегам из США или Европы] пишу письмо, присылаю свои наработки, у них какой-то интерес, они начинают куда-то приглашать – на конференции, на лекции, предлагают хотя бы маленькие контракты. А вот с российскими я пыталась списываться, и у нас ничего не получалось. И в 99% случаев вообще никакого ответа от них не бывает. А 1% ответов весьма неприятный или даже оскорбительный».

<J> Недавний выпускник британской PhD программы, работает в университетском исследовательском центре в Великобритании: *«Очень сложно общаться с такими людьми: с одной стороны, люди хотят вроде, но сами никакой активности не проявляют. У нас вообще очень плохая система, характерная для всех, с кем я общаюсь: вне очей – вне сердца. Контакт не поддерживают, не пишут e-mail, не отвечают на них. ... А тут – ты отправляешь e-mail, на него ждешь ответа месяц».*

Наиболее вероятное объяснение подобным ситуациям, помимо преодолимых технических сложностей, может быть связано с иными приоритетами российских исследователей: обилие иных обязательств и отсутствие формально закрепленных стимулов к исследовательской работе и обеспечению ее качества позволяет постоянно откладывать вопросы, связанные с совместными научными исследованиями – откладывать до того момента, когда они лишаются смысла, и другая сторона теряет интерес к совместной работе.

Нематериальные условия – уважение, престиж

Важным элементом приглашения зарубежного коллеги в условиях дефицита финансовых ресурсов является создание приятных условий пребывания, использование различных нематериальных стимулов, таких как престиж, атмосфера уважения и т.п. Многие российские вузы можно считать мастерами гостеприимства – часто именно оно используется как способ компенсации не вполне привлекательных материальных условий, которые они могут предложить своим зарубежным коллегам. При этом важно учитывать, кого именно они рассматривают в качестве зарубежных коллег, и относятся ли, к примеру, к этой категории ученые российского происхождения, работающие за рубежом.

<I>: *«То есть я понимаю, что там не могут предлагать европейские заработки, но если они обеспечат хоть какие-то условия – билеты оплачивают или как-то проявляют своё серьёзное отношение... Даже не в деньгах дело, а просто в отношении. ... Я не ожидаю, что здесь платят за лекции, но хоть какие-то затраты означают то, что это серьёзно, что тебя ценят как специалиста. Вот этого никогда не было. Хотя часто слышала такое: «Приезжайте, почитайте у нас что-нибудь», – показывают, что им как бы всё равно, что они мне одолжение делают, разрешат мне почитать лекции. Совершенно всё вверх ногами поставлено».*

Очевидно, что подобные вопросы решаются на уровне вуза и его политики в отношении укрепления международных связей. Упомянувшиеся не раз выше личные связи также могут содействовать использованию нематериальных стимулов при работе с зарубежными коллегами российского происхождения, а их отсутствие способно серьезно ограничить доступ к любым, в том числе и нематериальным, ресурсам вуза.

2.2. Ограничения для сотрудничества

К этой категории были отнесены также часто обсуждаемые в России непривлекательные обстоятельства жизни в стране, препятствующие как плодотворной научной работе, так и комфортабельной жизни в целом. Условно их можно разделить на специфические – имеющие отношение собственно к организации научной жизни, и общие, осложняющие взаимодействие с российскими партнерами.

Наиболее часто упоминались различные проявления отличий российского сообщества от международного – иные формы работы, ориентация на иные результаты и т.п. Также назывались дефицит финансирования научных исследований, порождающий малочисленность научного сообщества (той его части, которая работает по международным стандартам) и, как следствие, его неспособность распространять свои ценности, поддерживать должный уровень качества, рекрутировать новых членов и т.п.

Многие респонденты старались очень деликатно описывать эту проблему, понимая ее остроту и все те дополнительные условия, которые с ней связаны:

<D>: *«Россия прожила такой сложный период, что, я думаю, это было бы даже несправедливо каким-то образом критически оценивать развитие науки вот в эти конкретные десять-пятнадцать лет... Очень многие люди просто уехали, а многие люди ушли в бизнес. То есть, конечно, можно говорить о том, что те, которые остались, подхватили знамя и понесли его вперед. Но можно говорить и о том, то если бы никто не уехал и не ушел в бизнес, то знамя было бы выше и больше. То есть, это вопрос позиции, но я не думаю, что те люди, которые уехали, должны судить об этом».*

Тем не менее, проблема неготовности российского сообщества жить по международным правилам существует, и многие респонденты к ней возвращались.

Мало международно признанных результатов работы

В силу многих причин в России часто нет традиции публиковать результаты своих научных изысканий, в том числе с расчетом на международную аудиторию. Участие в международных конференциях также не особенно распространено. Вместе с тем, именно эти каналы являются наиболее популярным средством информирования международной общественности о собственных исследовательских интересах и достижениях, служат основным способом завязывания профессиональных контактов, помогают начать совместную работу.

<K>: Европейский социолог, училась, защищалась и работает в Европе, в исследовательском центре при университете: *«Я их не знаю – они не публикуются».*

<J>: *«Все контакты легче заводить на конференциях – на зарубежных конференциях я мало встречаю российских исследователей. ... Я читаю, смотрю – по моей тематике должны быть люди. Даже целые институты есть, которые занимаются антропологией и, думаю, социальной антропологией. Но вот так, чтобы публиковались, чтобы я их цитировала – нет».*

<H> *«Я мало общаюсь с местными политологами, но понаслышке я не могу сказать что-то особенно хорошее. ... Процент тех людей, которые делают исследования на уровне, котором можно публиковать в реферируемых журналах, очень низкий».*

<E>: *«Просто работы, которые пишутся даже лучшими социологами России, опубликовать в ведущих американских журналах невозможно».*

Исследователей международного уровня очень мало, они востребованы и часто из-за этого не имеют возможности откликаться на поступающие предложения о сотрудничестве.

<G> о своем бывшем научном руководителе: *«Он довольно активно в этом деле занимается. Он пытается что-то писать, ездит на конференции, держит себя в хорошей форме. И у него достаточно проектов, он получает запросы иногда от Всемирного банка, иногда еще от каких-нибудь местных министерств. Спрос на исследования есть, это плюс. Просто не хватает времени браться за все эти проекты, сколько у него предложений. Он уже поработал и считается экспертом в этой области. Это у него заняло лет 10, чтобы создать имя какое-то, хорошее положение. Есть люди, но мало».*

Большая загрузка текущими обязательствами также препятствует полноценной научной работе, в том числе подготовке серьезных теоретических публикаций. Этот вопрос активно обсуждается внутри российского исследовательского сообщества, поэтому, не останавливаясь на нем подробно, лишь заметим, что работающие за рубежом коллеги отмечают его остроту, а также то, что он препятствует налаживанию полноценного диалога между исследователями.

Прикладная ориентация социально-экономических наук

Одно из следствий положения социально-экономических наук в советской системе – их сохраняющаяся прикладная ориентация. Исходя из внутривосточной логики, ученый должен стремиться получить результаты, позволяющие решить некие социальные проблемы. Часто выбор решаемых проблем зависит от заказа на исследования. По логике коллег, работающих за рубежом, невозможно подойти к решению социальной проблемы, не разобравшись в ее причинах, механизмах сопутствующих ей социальных явлений и т.п., для чего необходимо проведение соответствующих теоретических исследований. В рамках этой логики ученый должен стремиться познать особенности функционирования конкретного фрагмента социальной реальности, донести его до научной общественности, чтобы через обсуждение приблизиться к пониманию исследуемого явления. Указанное противоречие объясняется частично особенностями спроса на научные исследования: в России практически не предъявляется спрос на теоретические исследования, потому мало и предложения.

<A>: *«Исследовательская работа не играет такой роли в России, как она играет на западе ... Кроме того есть определенные ожидания от научной работы. Весь управленческий аппарат, в глобальном смысле этого слова, ожидает от науки ответов на свои вопросы. И мгновенных ответов на свои вопросы. ... Мне кажется, это не особенно перспективно, потому что быстро дать ответ на сложный, очень сложный вопрос – это нелегко. Чтобы ответить по существу одного вопроса, надо углубиться в реальность, сложность этого вопроса, занимаясь теориями, без особой, если хотите, надобности обеспечить краткосрочную отдачу. ... Ожидание такой отдачи от научной работы тоже не способствует формированию серьезного научного сообщества».*

<C>: *«Я могу ошибаться, но те российские социологи, которых я встречал, были в большей степени ориентированы на прикладные исследования, особенно на политические. Это особенности экономической ситуации – все понятно».*

Суэта, отсутствие стратегии, вторичная значимость научного результата – те элементы организации академической жизни, которые стали особенно заметны в переходный период, не удивляют молодых исследователей, выросших в условиях переходной экономики.

<G>: *«Мне кажется, это проблема финансирования. Если ты знаешь, что деньги ты можешь получить только под какие-то проекты, которые актуальны сейчас, ты этим и занимаешься. То, что занимаешься краткосрочными проектами – это не корень проблемы, а только ее симптомы. Потому что у нас финансирование науки не очень хорошо поставлено. Поэтому мы делаем то, где есть спрос, где нам платят. ... Хорошо, что хоть так».*

Исследовательское сообщество в России занято поиском подобных проектов, их получением и реализацией, а времени на серьезные научные исследования у большинства работающих в академической сфере не остается. Все это приводит к ситуации, когда многочисленные мелкие обязательства не позволяют сконцентрироваться на стратегических вопросах.

<A>: *«В Москве абсолютно невозможно общаться по существу. Может быть, не совсем, но, во всяком случае, я не смог. ... Там такой круговорот всего вообще, постоянно надо направо-налево... Обязательно надо выехать из Москвы или из Парижа и провести недельку в каком-нибудь центре, где никто не мешает, где можно спокойно посидеть и действительно поработать». «Мои коллеги ...очень заняты разной нагрузкой со всех сторон. И у них нет просто времени».*

Неэффективный менеджмент времени, «текучка» (обилие мелких обязательств, препятствующих решению более важных и сложных задач), большая аудиторная и/или административная нагрузка – эти и прочие особенности организации жизни российского вуза накладывают серьезные ограничения на готовность его сотрудников к участию в серьезных исследовательских проектах совместно с зарубежными партнерами.

Ригидная система внутреннего управления в сфере научных исследований в России

Научные исследования по своей сути – творческий процесс, несмотря на их «массовизацию» и «индустриализацию» в XX веке, данный вид деятельности остается притягательным для творческих активных людей, т.е. тех, кто часто не любит жестких правил, процедур и регламентов. Учитывая указанные выше особенности организации сферы научных исследований в России, регламентация в ней также может оказаться дополнительным ограничением, препятствующим притоку исследователей из-за рубежа.

<F>: *«Была еще такая причина, которая была скорее связана с академической бюрократией. ... Мне казалось, что мне будет непросто с этими людьми, ну не с конкретными людьми, а с системой, сжитья».*

Негостеприимная институциональная среда

Макросреда, особенности работы многих институтов и социальных систем в России – популярная тема и ожидаемое ограничение привлекательности России как места работы, пусть даже временного. Простая ознакомительная поездка в Россию – получение визы, общение со службами ОВИР и прочие процедуры – способны отрицательно повлиять на готовность сотрудничать с российскими партнерами.

<D>: *«Тут, на Западе, очень любят Россию. ... Всем всё интересно. Ехать – с удовольствием. Но ведь Вы понимаете: у нас визы, разрешения, где нужно регистрироваться в местном ОВИРе, если ты, иностранец, приехал. Вот эта вот вся, понимаете, тяжелая институциональная среда, какая-то милиция, которая выглядывает удобных жертв, и имеет право их забирать в участок и получать какие-то свои пятьдесят долларов. Ну, то есть, это всё настолько стыдно, понимаете, что, конечно, когда люди, даже самые лучшие, самые увлеченные, сталкиваются с этим, конечно, это никому не добавляет удовольствия приехать в Россию».*

Закрепление институтов в их постсоветской форме способно также изменить само поле исследований: вместо трансформирующегося общества возникает достаточно статичная структура, открывающая меньше возможностей для оригинальных научных работ.

<F>: *«Поле для исследований изменилось и перестало быть привлекательным ... Перспектива быть политологом или потенциально публичным политиком очень сильно потускнела за последние годы, как вы понимаете. Это даже не связано только с тем, могу я или не могу говорить что-то. А просто престижность этой карьеры...»*

По мере «костенения» экономической и политической системы в России, остается меньше простора для проверки нетривиальных гипотез, и есть риск, что исследовательская работа по российской тематике через определенный промежуток времени будет интересна лишь тем, кто занимается собственно российскими исследованиями, т.е. получит ограниченную привлекательность.

* * *

Отличия явных и неявных правил организации исследовательской жизни являются серьезным ограничением для развития сотрудничества с российской академической диаспорой (как, впрочем, и с международным академическим сообществом в целом, т.к. рассматриваемая совокупность является его частью). Указанные различия и связанный с ними высокий уровень неопределенности для заинтересованного исследователя извне (не из России) характерны для всего процесса организации совместной исследовательской работы.

«На входе». Российское исследовательское и университетское сообщество характеризуется высоким уровнем информационной непрозрачности: без соответствующих связей сложно выяснить, как функционирует система, как оценить привлекательность вуза или исследовательского коллектива в условиях низкой публикационной активности российских исследователей на международном уровне; где искать вакансии, стажировки, каковы требования к заявителям, какие условия предлагаются и т.п.

«В процессе» работы нередки ситуации, в которых можно говорить о фактическом отсутствии стандартов научного результата, Низкий уровень подготовки человеческих ресурсов, работающих в сфере научных исследований, «кумовщина», незначительный объем исследований, дефицит структур, их проводящих, большое значение личных связей являются тем фоном проведения научных исследований в России, о котором говорили проинтервьюированные представители российской диаспоры. Подобные высказывания можно охарактеризовать как слабую институционализированность научной работы, препятствующую институционализации взаимодействий с российским исследовательским сообществом – они продолжают оставаться спорадическими и поддерживаются, в основном, вопреки, а не благодаря условиям, сложившимся в российской системе научных исследований.

«Выход» исследовательской продукции (незначительное число публикаций в признанных на международном уровне изданиях, слабая вовлеченность в международные научные дискуссии и т.п.) можно считать наиболее четко осознанным и явно сформулированным недостатком работы российского академического сообщества, что, однако, не уменьшает его остроты и значимости для решения задачи интеграции российских вузов в международное исследовательское пространство.

3. Формы сотрудничества

Как было показано выше, для тех, кто работает за рубежом, оптимально вписать сотрудничество с Россией в систему своей карьеры, в тот набор приоритетов, который уже установлен. Действительно, если определять задачу как «привлечение работающих за рубежом», то необходимо учитывать обстоятельства этой работы и предлагать такие варианты сотрудничества, которые позволяют компенсировать ее возможные слабые места или шире использовать ее возможности. Каким образом может быть организовано сотрудничество между россиянами в России и за рубежом, не было специальным вопросом исследования, тем не менее, многие респонденты считали своим долгом дать свои предложения, которые приводятся ниже.

Создание привлекательного исследовательского климата

Аудиторная нагрузка / преподавание, как правило, не оказывает влияния на возможности продвижения большинства преподавателей-исследователей, поэтому не является для них приоритетной, в отличие от интересных исследовательских тем, доступа к оригинальным данным. Указанную особенность карьерных стратегий работающих за рубежом исследователей (о ней подробнее говорилось выше) необходимо учитывать при разработке форм сотрудничества.

<Е> «В «research university» люди не хотят преподавать. И преподают именно столько, сколько требуется. Но никто не заинтересован преподавать больше, чем требуется».

Именно поэтому целесообразно искать мягкие формы вовлечения зарубежных исследователей в совместную работу с российскими коллегами / аспирантами / студентами. Они позволяют усилить информационный обмен между российскими и зарубежными учеными, позволяют поддержать приезд в Россию зарубежных исследователей, заинтересованных в работе в стране. Например, предоставление условий для работы, содействие в обеспечении жилищными условиями, визовая поддержка и т.п., в обмен на которые приехавший с визитом ученый может брать на себя относительно слабо структурированные обязательства – участие в исследовательских семинарах, консультации и т.п.

Договоренность о подобных видах работ, не связанных с такой жесткой нагрузкой, как, например, преподавание, сохраняет условия для полноценной исследовательской работы, важные для приглашенной стороны, но обеспечивает основания для развития совместных исследовательских проектов и других форм сотрудничества как

преподавателей, так и студентов из заинтересованных российских вузов с зарубежными исследователями, что важно для приглашающих.

<E> рассказывает о своем коллеге: *«Каждый год он выезжает в Москву, ему нужно заниматься исследованиями. ... Они пробыли целый год, и для них это было очень дорого. ... То есть они себе не могли ничего особо позволить в Москве».*

Вместо этого можно было бы организовать особую форму пребывания, в рамках которой *«Ты приезжаешь, можешь даже дать, выступить на семинаре, при этом тебе предоставляют, скажем, «short term visited professor», на неделю. Я думаю, от этого бы все выиграли». «Это был бы очень хороший вариант. Потому что тебе решаются проблемы с пребыванием, с оплатой жилья и так далее. А принимающая сторона получает человека, который может и в семинарах участвовать, и пообщаться с людьми, обменяться»* <E>.

При подобных контактах важно организовать соответствующий климат, стимулирующий и поддерживающий интерес к исследованиям, совместной работе. <E>: *«Такой спонтанный контакт без особых, скажем, целей, что нужно обязательно проект раскрутить. Но, в принципе, это было бы очень здорово. Начиная от недельных визитов до месяца, до нескольких месяцев, до года».*

В этой ситуации подчеркивается именно необременительность сотрудничества, при этом наличие условий, к нему располагающих. <E>: *«Если был бы, скажем, какой-то институт, в который можно приехать выступить, можно побыть неделю. Ты занимаешься своими исследованиями... Когда не то, что ты должен специально что-то там дать им... Я имею в виду, с точки зрения такого научного сотрудничества, да? Ты приезжаешь просто для обмена идеями, общения, выступлений на семинаре».*

Подобный механизм позволяет перейти от доминирующей пока в российском научном сообществе модели личного общения (сотрудничество построено через систему личных связей) к открытой возможности формирования контактов. <E>: *«Приехал ученый из другого университета, из другой страны. Это как бы «visiting scholar» на неделю. Рассказал, чем он занимается, пообщался с коллегами, пообменялись идеями, повыступали и разъехались. Может, из этого ничего не выйдет. Но так постепенно создаются отношения».* При этом важна готовность принимающей стороны к тому, что часть подобных визитов закончится ничем, но в совокупности они меняют атмосферу в университете.

Обеспечение условий работы для приглашенных исследователей – острая проблема, и некоторые респонденты полагают, что само создание рабочего пространства уже может быть стимулом для усиления интереса к работе в России.

<F>: *«Отобразить [сдаваемые в аренду] помещения Академии наук, поделить их, воткнуть интернет, поставить внутри батареи нагревательные и столы, и доски еще поставить. И дать бы все это людям, которые приезжали бы со всего мира: из Европы, из Америки для того, чтобы они приезжали и делали там исследования. Просто сидели бы хотя бы там, бесплатные кабинеты. Вот это было бы отличным мотиватором для многих людей, кто, например, изучает Россию, приезжать туда и проводить больше времени в России».*

<C>: Если формулировать задачу как привлечение ведущих исследователей, то надо понять, на каких условиях они согласились бы выбрать Россию как место своего пребывания, скажем, в течение года. *«Опять же, деньги могут решить многие вопросы. Конечно, они привыкли к хорошим условиям – их нельзя будет разместить в студенческом общежитии: Это должна быть современная квартира, в хорошей транспортной доступности. Оплата труда должна быть сопоставимой с теми расценками, к которым они привыкли».*

Приглашение сильных, но более доступных исследователей

Формирование новой исследовательской культуры – сложная задача, требующая особого внимания к кадрам, призванным обеспечить ее решение.

<В>: «Было бы хорошо для российских студентов слушать Дж. Сакса в качестве преподавателя. Но в самом ли деле вам нужны суперзвезды? Я не уверен. Вам нужны хорошие преподаватели, и найти таких в США, Великобритании или Франции можно по вполне приемлемым расценкам. Более того, гонорар часто может быть предметом договоренностей и взаимных уступок между преподавателем и приглашающим университетом».

<С> определяет задачу как необходимость привлечь состоявшихся ученых в Россию – это способствовало бы формированию исследовательских навыков у работающих с ними студентами: «Огромный пул вышедших на пенсию исследователей – они остаются интеллектуально активными, но не имеют возможности преподавать в США, и с удовольствием ехали бы в другие страны! И они могли бы быть очень эффективными посредниками в налаживании профессионального диалога между страной своего пребывания и международным исследовательским сообществом. Они могли бы преподавать – то, что не хотят делать люди в начале или середине исследовательской карьеры».

Использование правил международных университетов

Популярное среди многих американских вузов создание так называемых «внешних кампусов» может быть использовано и для укрепления позиций «принимающего университета».

<Е>: «Какой еще у университетов может быть интерес? Вот они открывают свои «кампусы», допустим, по миру – не все могут осилить независимый «кампус» открыть. Если российский университет готов выступить тут партнером, принять их студентов. А когда принимают их студентов, университеты посылают своих преподавателей – этим студентам преподавать, по крайней мере, часть курсов. Так можно будет эти курсы потом открыть и не только этим студентам из американского университета, но и местным, россиянам».

Возможным вариантом приглашения зарубежных специалистов на преподавательскую работу может быть организация семестровых визитов, ориентированных на неоплачиваемую часть регулярного исследовательского отпуска (sabbatical).

<Е>: «Если тебе дается год sabbatical, полгода оплачивается, полгода – нет. И на ту вторую половину года многие ищут заработок... Я не думаю, что в России сейчас можно скомпенсировать половину. Но, допустим, в social science это вполне, это более реально. Мне кажется, по московским сейчас меркам. И тем более, если это какими-то фондами поддерживается, грантами».

<С>: «Саббатикал никто не захочет тратить на преподавание, поэтому важно привлечь внешние фонды для решения подобной задачи». Внешние фонды смогут обеспечить конкурентное предложение, привлекательные условия.

Поддержка удаленного сотрудничества:

Позиция между разными группами обладает рядом преимуществ – вот почему она представляется привлекательным вариантом для организации совместной работы.

<G>: *«Мне бы хотелось поддерживать контакты, может быть, писать статьи вместе – в таком плане сотрудничать с людьми. Но мне было бы интересней, если бы я была в одном месте, а они были бы здесь».*

Развитие государственной программы поддержки российских исследований

Государство как регулятор разных аспектов общественной жизни остается важным в России, именно поэтому государственная поддержка программ международного сотрудничества способна обеспечить масштабные изменения сложившихся практик.

<F>: *«В России нет тех структур, например, в системе власти, которые бы целенаправленно работали над тем, чтобы создавать условия для потенциальной научной элиты в России оставаться в России, изучать Россию, изучать весь мир, но при этом делать все в России. ... Государство у нас никоим образом не ориентировано на то, чтобы создавать, привлекать, заниматься привлечением научных кадров с запада на восток в Россию. ... Но без государственной поддержки в этом направлении сами вузы могут добиться гораздо меньшего, чем если бы в государстве был бы человек на высоком посту, который бы только этим очень мотивированно попытался бы заниматься. ... Сейчас в России индивидуальные вузы прилагают очень много усилий к тому, чтобы привлекать к себе выходцев из Советского Союза. Это очень хорошо, я считаю. Но если нет государственной политики, то это будет иметь ограниченный эффект».*

* * *

Предложенный экспертами набор вариантов организации сотрудничества открывает достаточный простор для российских вузов – многие из перечисленных мер могут быть относительно легко реализованы. Безусловно, наличие государственных программ поддержки сотрудничества с зарубежными коллегами способно вывести его на качественно новый уровень, т.к. позволило бы использовать больше инструментов, могло бы смягчить часть организационных трудностей – визовые и т.п. вопросы, а также дало бы возможность диверсифицировать источники финансирования совместной работы.

Часть 3. Российская академическая диаспора и возможности сотрудничества с ней: данные опроса

Как уже было сказано выше, наряду с глубинными интервью для исследования российской диаспоры в области социальных и гуманитарных наук был использован и метод массового опроса. При этом важно было не только получить ответы на вопросы анкеты, но и создать информационную и аналитическую основу для работы с лучшими зарубежными специалистами из российской диаспоры, для чего было необходимо, сформировать базу контактов и получить представления о возможных масштабах и основных направлениях возможного сотрудничества.

Данный тип исследования не может оцениваться по признаку репрезентативности, т.к. мы изначально имеем дело с размытым определением генеральной совокупности. Исследовательская группа также изначально закладывала «системную ошибку» в дизайн исследования, предполагая, что не все, формально подпадающие под рабочее определение исследуемой совокупности, готовы к сотрудничеству, а потому откликнутся на присланный запрос.

С учетом использованных методов сбора данных и способов отбора респондентов, проведенное исследование может быть охарактеризовано как разведывательное: оно позволяет получить представление о неизвестном ранее объекте, но не позволяет проверить однозначных гипотез, распространяемых на всю генеральную совокупность. В поисковом формате проведенная работа дает относительно развернутое описание фактически неизученного объекта, что дает возможность выдвинуть варианты объяснений, которые могут быть проверены в ходе последующих исследований.

Задача собрать данные, отражающие всю генеральную совокупность, в ситуации, когда границы совокупности определены условно, решалась в два этапа.

На первом этапе происходило формирование базы контактов. Было предусмотрено размещение на посещаемых Интернет-сайтах объявлений с обращением к российской и зарубежной научной общественности с просьбой присылать контакты по электронной почте. Одновременно проводился телефонный опрос профессорско-преподавательского состава ГУ-ВШЭ и поиск контактов в онлайн-базах и перечнях (профессиональные сообщества, университеты, списки защищенных диссертаций).

На следующем этапе проводился массовый опрос представителей российской диаспоры с использованием специально разработанной онлайн-анкеты. Каждому респонденту направлялось электронное письмо с просьбой заполнить анкету. Одновременно происходило пополнение исходной базы контактов.

Сформированная в результате база контактов представителей российской научной диаспоры состоит из нескольких сотен позиций. Среди основных географических областей, охваченных исследованием, следует назвать страны Европейского Союза, Великобританию, США, Канаду.

Исходный объем базы контактов составил 400 позиций, информация об исследовании была размещена на российских научных и новостных Интернет сайтах, использовалась стратегия «снежного кома», когда получившие приглашение ставили в известность своих знакомых - выходцев из России и стран СНГ. Рассылка напоминаний с просьбой принять участие в исследовании позволила дополнительно собрать 30 анкет, что составляет чуть менее 30% от изначально ответивших, и значительно ниже обычной эффективности подобных напоминаний. Возможное объяснение этого факта заключается в невысокой заинтересованности представителей диаспоры в сотрудничестве с российскими научными и учебными центрами, отсутствии доверия российским институтам, низком авторитете российских экономических, социальных, гуманитарных дисциплин на международной арене. Даже для части исследуемой общности, которая выражает свое желание сотрудничать с Россией в научной и образовательной области, такое сотрудничество представляется дополнением к уже существующим проектам.

Разработанная анкета отражала следующие предположения:

- Важно определить развитие академической карьеры респондентов, чтобы понять, на каком из ее этапов они более открыты к сотрудничеству;
- Опыт работы в России, ее характер способны оказать влияние на способ интеграции респондента в международное академическое сообщество и его готовность участвовать в совместной работе с россиянами.
- Отсутствие институционализированных практик организации сотрудничества между сообществами россиян за рубежом и в России открывает больше возможностей для поиска гибких / нестандартных форм решения подобной задачи.

Исходя из указанных предположений в анкету были включены вопросы о родном городе респондента, о его первом университете, а также целый ряд вопросов о получении научной степени, карьере после завершения образования. Для выявления перспективных направлений сотрудничества с представителями российской научной диаспоры, респондентам было предложено отметить наиболее интересные для них формы

сотрудничества. Параллельно замерялся уровень их текущей академической активности, мобильности, выявлялась включенность в социальные сети.

Первоначально планировалось, что во всех собранных анкетах будет присутствовать фамилия, имя и отчество респондента, его контактные данные и сведения о доходах. Однако на этапе реализации пилотного исследования стало очевидно, что необходимость предоставления этих данных заставила бы бóльшую часть респондентов отказаться от заполнения анкеты. Поэтому в итоговом варианте анкеты вопросы о доходах были сняты. Параллельно была добавлена возможность анонимного заполнения анкеты, без указания своих персональных данных.

Подавляющее большинство заполнивших анкету – это люди, так или иначе заинтересованные в сотрудничестве с российскими институтами и исследователями. Это не характеризует настроение в исследуемой общности. Просто необходимо учитывать эту особенность. В конечном итоге именно эта, ориентированная на сотрудничество, часть диаспоры интересовала нас более всего.

Описание совокупности ответивших

Прежде чем посмотреть на профессиональные траектории ответивших на вопросы анкеты, кратко охарактеризуем совокупность ответивших.

Рисунок 3.1. Пол

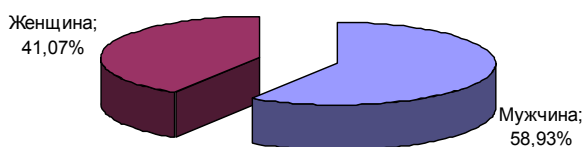


Рисунок 3.2. Семейное положение

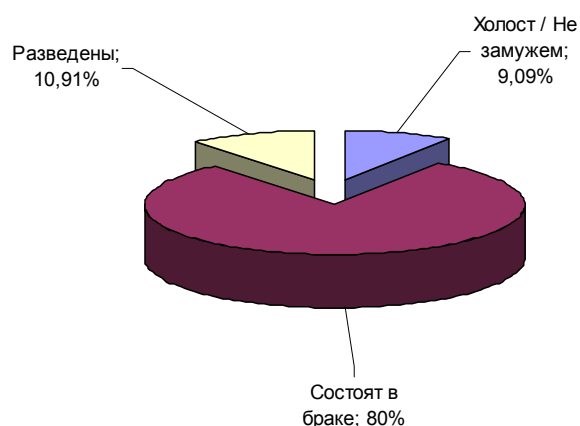
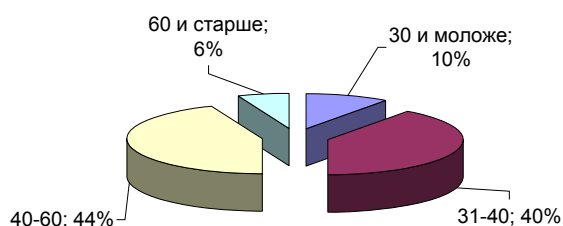


Рисунок 3.3. Возраст



Среди респондентов 60% мужчин и 40% женщин. Лишь 20% из них не состоят в браке. Более восьмидесяти процентов опрошенных перешли порог тридцати лет, 6% относятся к старшему поколению, 10% - молодежь.

Более половины опрошенных сохраняют российское гражданство. К ним можно добавить еще 20% ответивших на вопросы анкеты, которые имеют гражданство стран бывшего СССР или двойное гражданство. Обладателей гражданства страны проживания среди опрошенных – менее трети.

Рисунок 3.4. Страна проживания

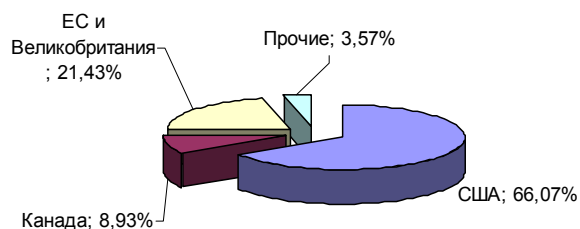
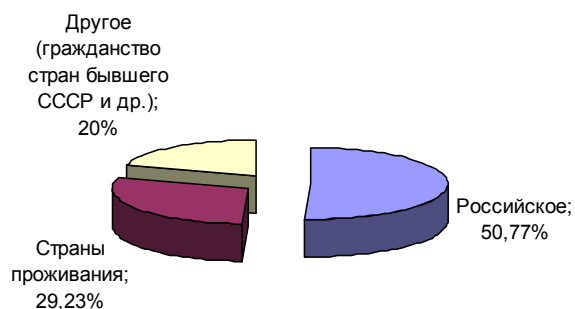
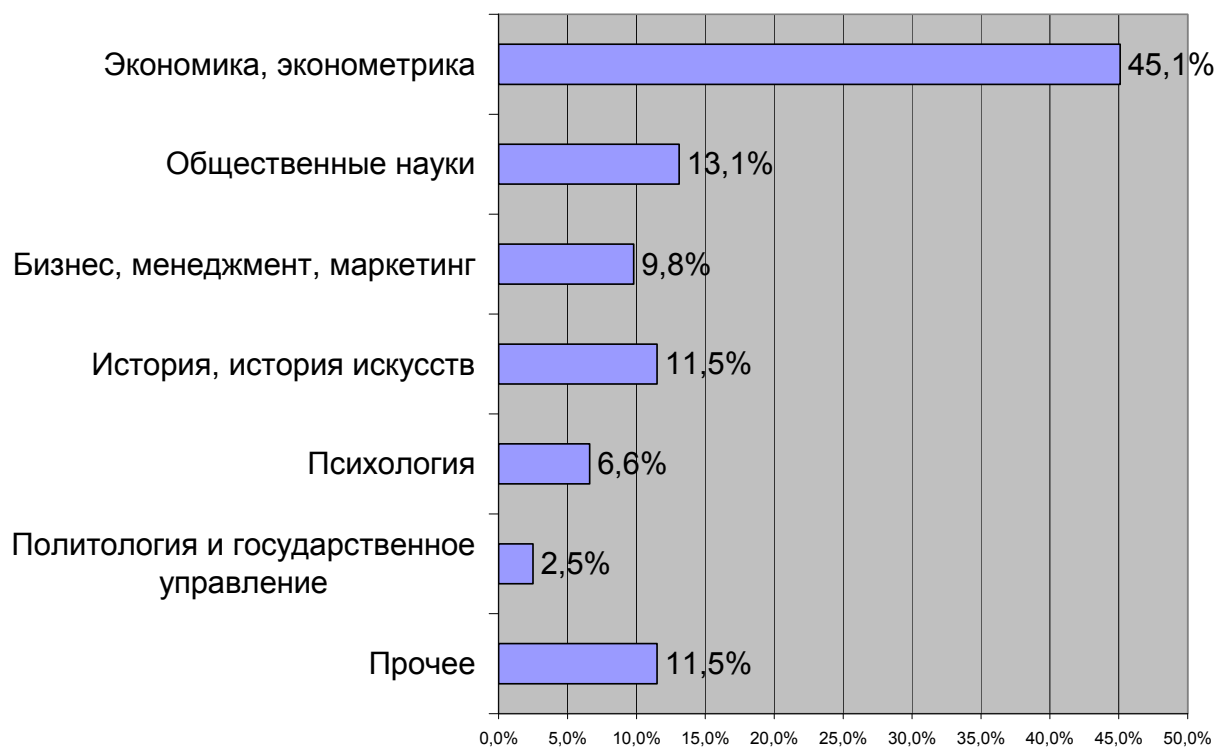


Рисунок 3.5. Гражданство



Наибольшее количество опрошенных проживают в Канаде и США, примерно пятая часть респондентов постоянно находятся в странах Европы.

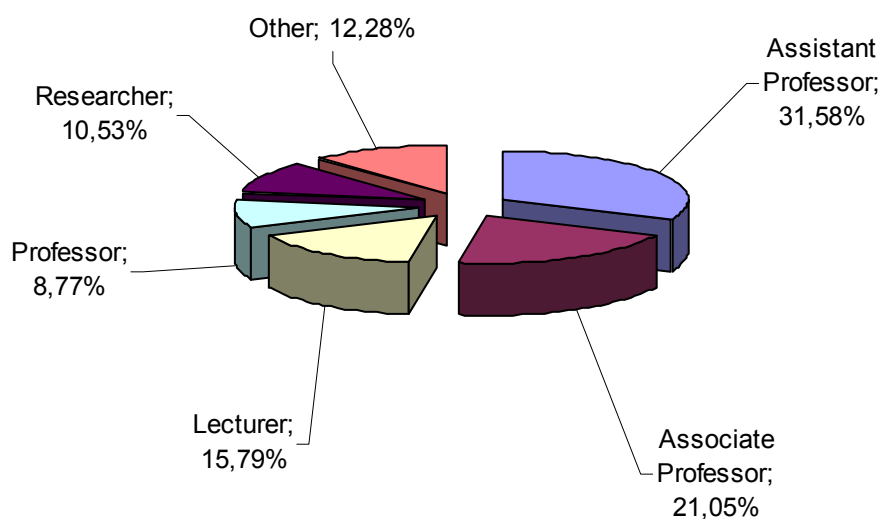
Рисунок 3.6. Профессиональная сфера



Прочее: философия, культурология, религиоведение, исследования в области высшего образования и пр.

Около 45% опрошенных занимаются экономикой и эконометрикой. Подчеркнем еще раз, что исследование проводилось по случайной выборке, и эта структура может не соответствовать реальной профессиональной структуре диаспоры в области социально-экономических наук. В области общественных наук работают 13% опрошенных, немногим меньше – в областях исследования бизнеса, менеджмента, где работают десять процентов респондентов. Достаточно большое количество заполнивших анкету представляют гуманитарные науки. Десятая часть опрошенных – историки, несколько меньше политологов и психологов. Остальные дисциплины представлены менее чем 2 процентами респондентов, поэтому они объединены в одну категорию – «Другое».

Рисунок 3.7. Должность



Большинство опрошенных занимают преподавательские должности. Лишь 10% в качестве основной занятости отметили исследовательскую работу.

Значительная часть представителей диаспоры находятся на начальной стадии своей научной карьеры, занимая низшие ступени в академической иерархии: на категории assistant professor, lecturer и researcher пришлось около 58% опрошенных. В то же время, к категории associate professor относится 21% опрошенных, категории professor – почти 8%. Таким образом, около трети респондентов относятся к категории научно состоявшихся и сделавших успешную карьеру ученых и могут быть весьма ценным ресурсом для модернизации отечественного высшего образования.

Профессиональные стратегии

Анализ профессиональных стратегий резонно начинать с изучения списков учебных заведений, в которых проходили обучение ответившие на вопросы анкеты.

Место получения первого образования (отсортировано по алфавиту, повторы удалены)

Auburn University
Barnaul State Pedagogical University
Belarusian State Polytechnic Academy

De Montfort University

Kiev State University
Donetsk Academy of Management
Hanover College
Higher School of Economics
Indiana University, Bloomington
International University, Moscow
Kharkov University
Kyiv Institute of National Economy
Leningrad Institute of Electrical Engineering (LETI)
Moscow Institute of Physics and Technology
Moscow Pedagogical State University
Moscow State Technical University
Moscow State University
Nizhniy Novgorod State Agricultural Academy
Novosibirsk State University
Odessa, Ukraine
Rostov State University
Rostov-on-the Don University
St. John's College, Annapolis, Maryland
St. Petersburg Polytechnical University
St. Petersburg State University

St. Petersburg State University of Technology and Design
Stanford University
Tartu University

Tashkent University
Tula Polytechnic Institute

University of California at Berkeley

Место получения последнего образования (степени) (отсортировано по алфавиту, повторы удалены)

Auburn University
Cambridge University
Center for Economic Research and Graduate Education (CERGE-EI), Prague, Czech Republic
Central European University, Budapest, Hungary
CORIPE, University of Turin, Italy
De Montfort University, Leicester
Duke University, USA
Eastern Michigan University, Ypsilanti, USA
EERC, Kiev
George Mason University
GWU
Harvard University, Massachusetts

Higher School of Economics, Moscow

Institute of Philosophy RAN
Leningrad State University
Moscow Institute of Physics and Technology
Moscow Musical Academy

Moscow State Institute of Foreign Languages
Moscow State Technical University
Moscow State University
New Economic School, Moscow, Russia
Novosibirsk State University
Southern Methodist University, Dallas, USA
St. Petersburg State University
St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary

the Hebrew University, Jerusalem
The University of Toledo, OH, USA
Tufts University, Fletcher School of Law and Diplomacy, Massachusetts, USA
University of California at Berkeley
University of Colorado, Boulder, Bowling
Green State University
University of Illinois, Urbana-Champaign,

University of Oklahoma
Ural State University
Urals' Politechnical Institute
Urals State University
Voronezh State Pedagogical University,
Voronezh, Russia
Yale University
Yaroslavl State University, Yaroslavl
Russia
Yerevan, Armenia

USA
University of Nottingham (UK)
Urals State University

В приведенных списках обращают на себя внимание несколько особенностей. Во-первых, значительное количество немосковских и непетербургских вузов, в которых респонденты получали первое образование. Ряд вузов из городов Центральной России и из республик бывшего СССР стали своеобразным трамплином для переезда за границу. В списке мест последнего образования эти вузы уже не фигурируют, их сменили известные московские, петербургские и сибирские университеты с именем и международными связями. Здесь любопытен другой факт – в ряде случаев образования ведущих российских вузов оказывается вполне достаточно, чтобы получить академическую должность в Европе или США.

Таким образом, можно представить общий характер образовательных траекторий, позволивших респондентам найти себя на профессиональном поприще за рубежом. Провинциальные вузы выступают в качестве отправной, начальной точки, затем следует московский или петербургский вуз, а следом – продолжение образования или работа за рубежом. Естественно, легко представить себе и исключения, когда, например, «столичного» этапа не существует, и происходит прямой переход из российского провинциального вуза к обучению в вузе зарубежном. При этом становится очевидно, что научной и профессиональной подготовки, полученной в провинциальных вузах в большинстве случаев оказывается недостаточно для работы за границей.

Большинство ответивших сознательно выбрали получение степени как элемент своей профессиональной стратегии:

- свыше 60% имели полную финансовую поддержку в процессе обучения.
- если в начале обучения (между получением бакалаврской и магистерской степеней) почти половина респондентов работала, то между магистратурой и началом обучения свыше 70% не работали, что позволяет считать, что направление своей карьеры они для себя к этому моменту уже определили.

Рисунок 3.8. Работали ли Вы между получением бакалаврской и магистерской степеней?

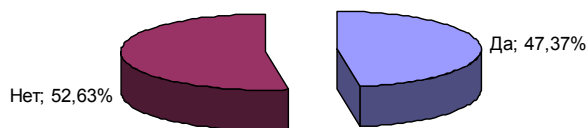


Рисунок 3.9. Была ли связана Ваша работа между получением бакалаврской и магистерской степеней с областью Ваших исследований?

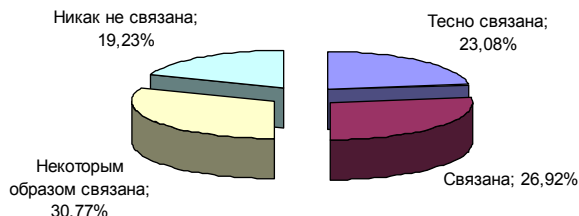


Рисунок 3.10. Работали ли Вы между получением магистерской и докторской степени?

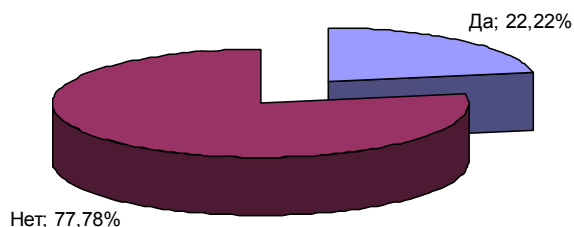
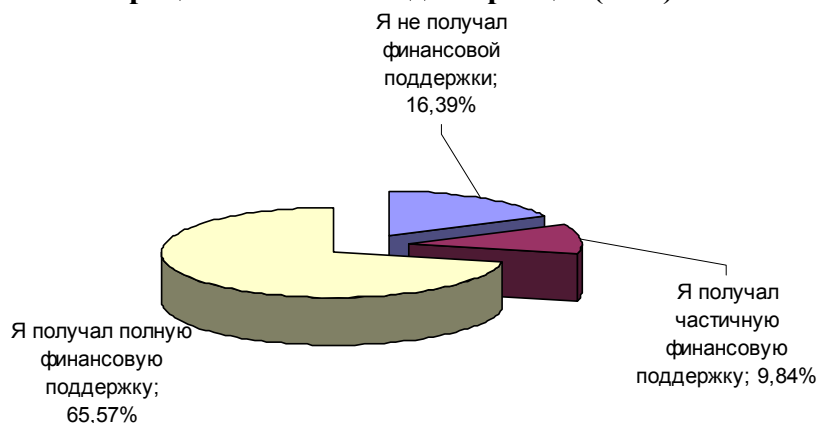


Рисунок 3.11. Была ли связана Ваша работа между получением магистерской и докторской степеней с областью Ваших исследований?

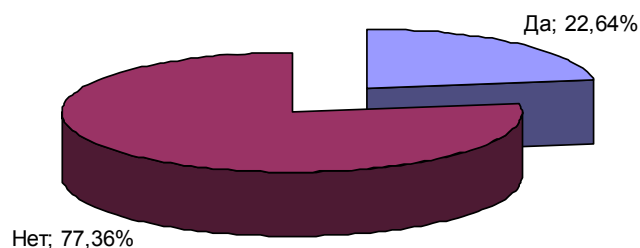


Рисунок 3.12. Имели ли Вы финансовую поддержку в процессе написания диссертации(PhD)?



Позиция postdoc среди респондентов оказалась не особенно популярной – почти 80% не воспользовались этой возможностью строить академическую карьеру.

Рисунок 3.13. Заняли ли Вы позицию post-doc после получения степени?



Большинство ответивших интегрированы в академическое сообщество своей страны: 90% работают в университетах, свыше 70% заняты на постоянных позициях (почти 40%) или приближенных к таковым (еще 40%).

Как интегрированные в международное сообщество специалисты, половина опрошенных в последние 5 лет была вовлечена в работу за пределами своей страны проживания. Наиболее популярные виды занятости: исследовательская работа (почти 40%), преподавание (почти 30%) и консультирование (свыше 10%).

Таким образом, мы можем говорить о том, что ответившие на вопросы анкеты в большинстве своем – классические ученые, выбравшие данное направление деятельности как наиболее привлекательное и интересное для себя, они находят разнообразные формы использования своих знаний и навыков и стремятся обеспечить наиболее стабильные и привлекательные варианты занятости, т.е. выстраивают полностью рациональные карьерные стратегии с учетом особенностей выбранного сообщества.

В анкету была заложена возможность проверки гипотезы о распространенности разных типов связей с Россией у разных категорий представителей диаспоры. Предполагалось, что связи могут как отсутствовать вовсе, так и варьироваться от общеэмоциональных – друзья, родственники, привязанности – до интенсивно-профессиональных, в которых работа за рубежом в определенной степени зависит от работы в России. Последняя модель предположительно чаще распространена среди тех, кто работает в сфере естественных наук или математики, тем не менее, может быть представлена и в других профессиональных сообществах.

Более восьмидесяти процентов опрошенных имеют в стране происхождения родственников и друзей. Половина респондентов сохраняет контакты с коллегами.

Рисунок 3.14. Как часто Вы посещали страну происхождения за последние 2 года?

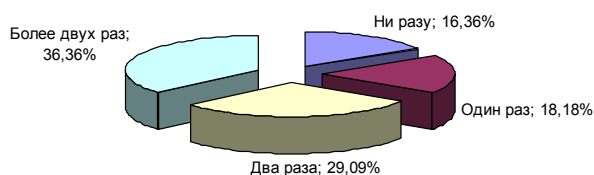


Рисунок 3.15. Есть ли у Вас связи в стране происхождения? (возможны несколько вариантов ответа)

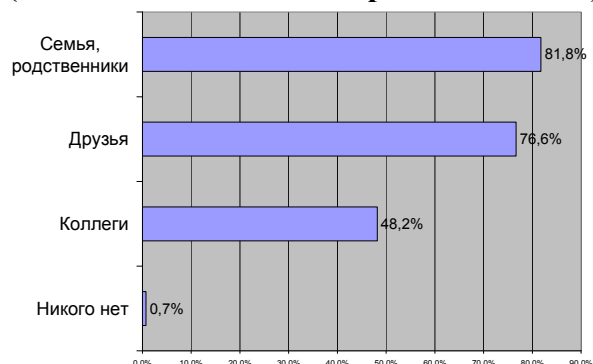
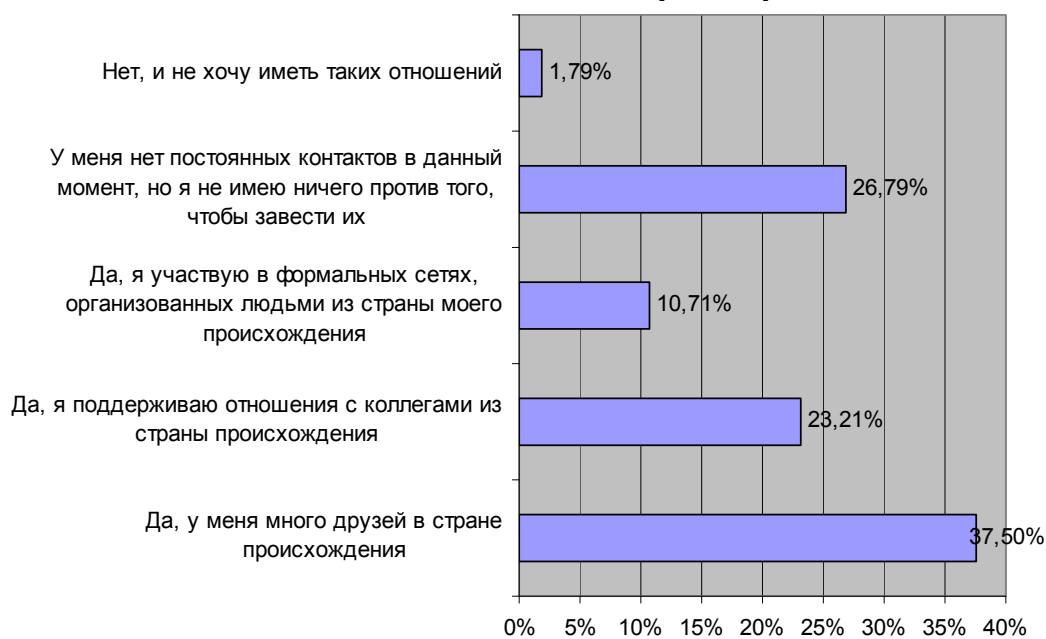


Рисунок 3.16. Участвуете ли Вы в каких-либо неформальных или формальных социальных сетях с людьми из Вашей страны происхождения?



За последние 2 года лишь 16% опрошенных ни разу не посещали страну происхождения, при том, что пятая часть заполнивших анкету совершила 1 поездку, а 60% совершили две и более поездки. 2% ответивших заявили, что не хотят иметь никаких отношений с представителями страны происхождения. Четверть респондентов не имеют постоянных контактов в родной стране, но не исключают для себя возможности приобрести их.

Возможности и препятствия для сотрудничества

Опрошенные нами представители диаспоры, в целом, достаточно критически относятся к состоянию российской науки и высшего образования, но одновременно говорят о наличии у них личных контактов в российской научной среде, определенного опыта сотрудничества с российскими вузами: 58% из их участвовали на протяжении последних пяти лет в совместных проектах с российскими коллегами. Говорят представители диаспоры (несмотря на негативный опыт) и о готовности к продолжению сотрудничества. Вместе с тем, основной вывод, который можно сделать на основании собранных в ходе данного исследования материалов, состоит в том, что несмотря на существенные различия, значительная часть российской научной диаспоры в общем и целом готова к сотрудничеству с российскими вузами, и даже заинтересована в нем.

Рисунок 3.17. Сотрудничали ли Вы с коллегами из России в течение последних 5 лет?

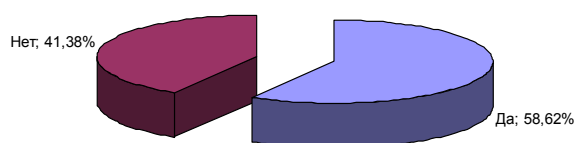
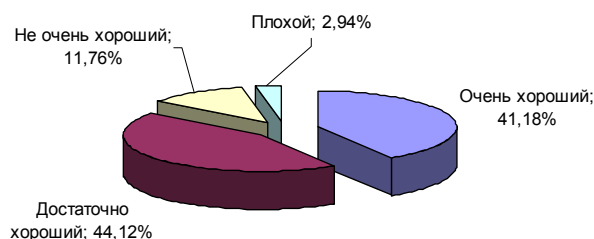


Рисунок 3.18. Опыт моего сотрудничества с российскими коллегами могу охарактеризовать как



Это не означает, однако, что они готовы приехать в Россию на постоянную работу: около 40% респондентов не намерены возвращаться в Россию, даже если им предложат позицию с оплатой труда адекватной их потребностям.

Рисунок 3.19. Согласились бы Вы переехать в другую страну, если бы там Вам предложили преподавательскую позицию?

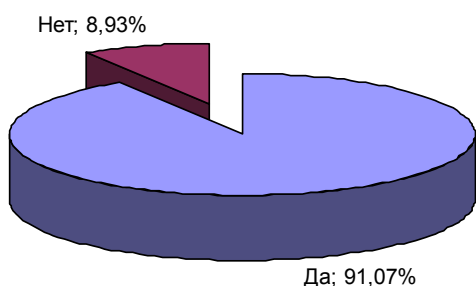


Рисунок 3.20. Согласились бы Вы переехать в Россию, если бы Вам предложили там преподавательскую позицию?

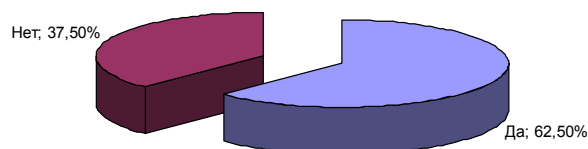
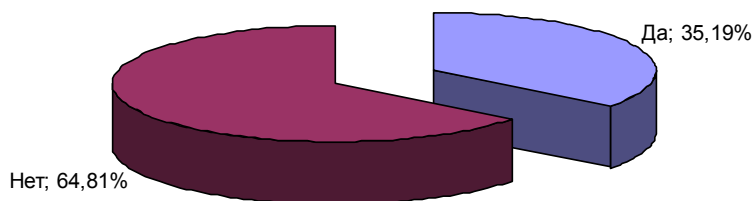
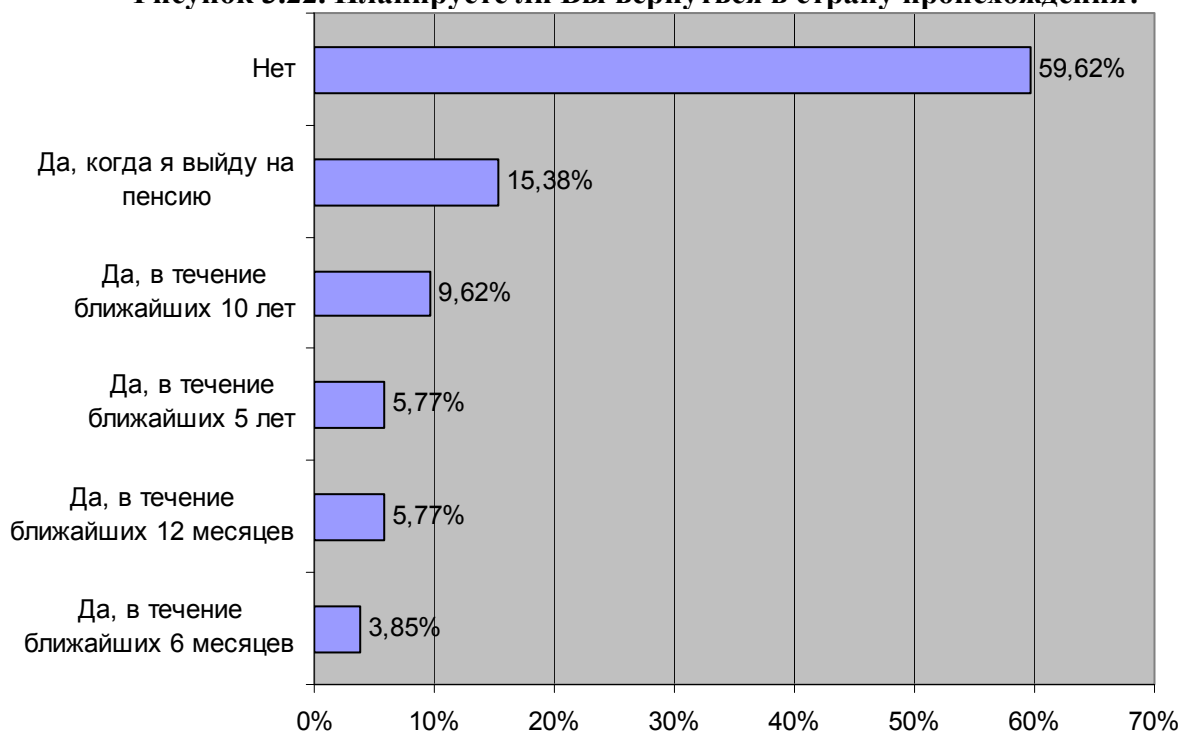


Рисунок 3.21. Зависит ли Ваше возможное решение о переезде в Россию и работе там от получения значительной прибавки к Вашему доходу?



Исследуемая группа достаточно мобильна. Так, на вопрос «согласились бы Вы переехать в другую страну, если бы там Вам предложили преподавательскую позицию?» более девяносто процентов опрошенных отвечают утвердительно. При этом оценки перспектив переезда в Россию более осторожны.

Рисунок 3.22. Планируете ли Вы вернуться в страну происхождения?



Существует целый ряд причин, останавливающих представителей диаспоры при рассмотрении возможностей мобильности в Россию. Можно выделить несколько основных препятствий: это финансовые условия; вопросы, связанные с неблагоприятной средой для проживания в России в целом (включая бытовые условия); и отторжение со стороны российских коллег. При этом среди факторов, влияющих на решение перебраться в Россию, респонденты чаще всего упоминали неудобную жилую среду (54% ответивших) и недостаток средств для исследований (51%).

Рисунок 3.23. Какие факторы могут повлиять на Ваше решение отказаться от поездки в Россию при условии, что там Вам предложена преподавательская работа



Прочее (указано респондентами): семейные причины, политический климат, отсутствие демократии, ксенофобия, низкий уровень зарплат, более дорогая жизнь в Москве и Петербурге по сравнению с городами на Западе

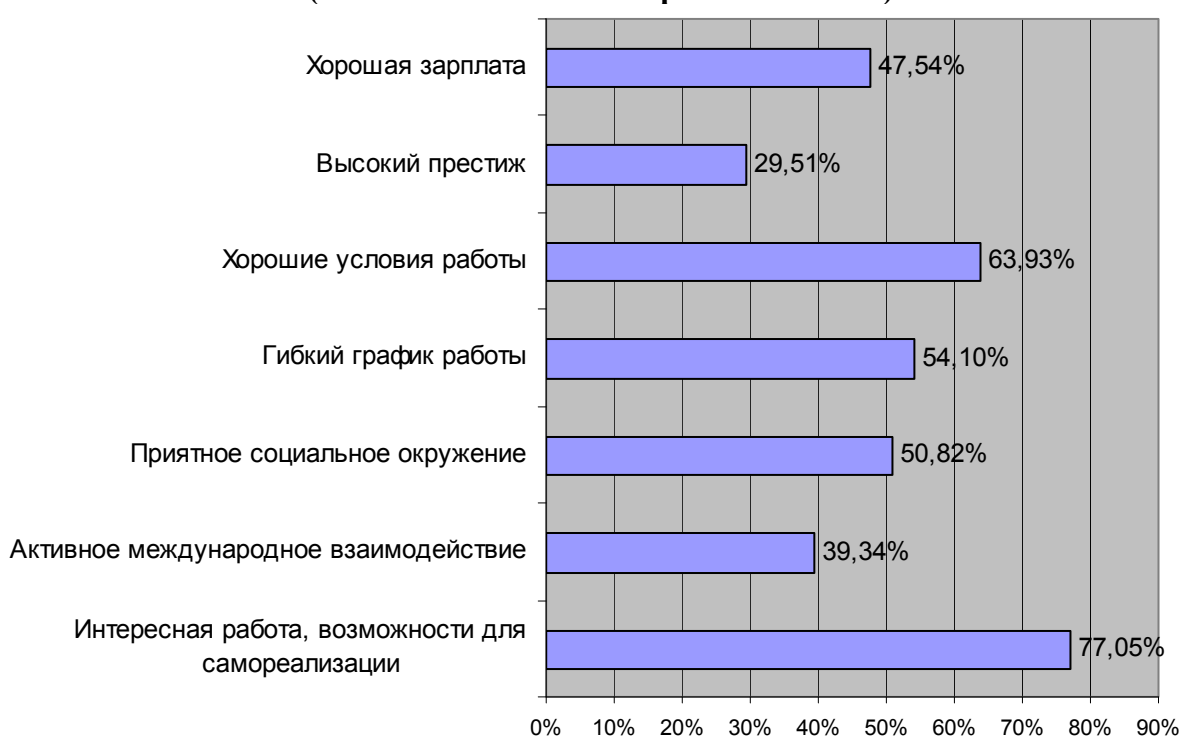
По результатам опроса и интервью можно сделать вывод, что оплата труда во многих случаях не является определяющей при принятии решения о переезде или краткосрочном сотрудничестве. Как представляется, ключевым фактором является реальное или кажущееся отторжение со стороны российской академической среды: именно оно в наибольшей степени мешает, по мнению представителей диаспоры, краткосрочным научным контактам.

Как уже упоминалось, подавляющее большинство опрошенных – это люди, которых интересует сотрудничество с российскими институтами и исследователями. Шестьдесят процентов респондентов уже имели опыт сотрудничества с коллегами из страны происхождения в течение последних пяти лет. При этом более 80% из них

остались довольны сотрудничеством, и лишь 3% отмечают, что сотрудничество было неудачным.

Несмотря на то, что привлечение российских ученых из-за рубежа на постоянную работу на родине представляется весьма трудным (хотя и не невозможным), участие в совместных исследовательских проектах, написание совместных статей, краткосрочные преподавательские и исследовательские визиты и просто научные контакты вызывают у них большой интерес.

**Рисунок 3.24. Что Вам нравится в Вашей основной работе?
(возможно несколько вариантов ответа)**



Как видно на приведенном рисунке, подавляющее число ответивших ставят во главу угла возможности самореализации, которые могут появиться в том числе и при работе с российскими исследовательскими институтами и коллективами.

Наиболее привлекательными областями для взаимодействия с российскими учеными представители российской диаспоры называют подготовку совместных исследований. Также большинство из них готово сотрудничать в области образования (чтение лекций в Российских ВУЗах). Чуть меньше 50% опрошенных заинтересованы в организации и проведении совместных конференций.

**Рисунок 3.25. Какие формы сотрудничества могли бы быть Вам интересны?
(возможны несколько вариантов ответа)**

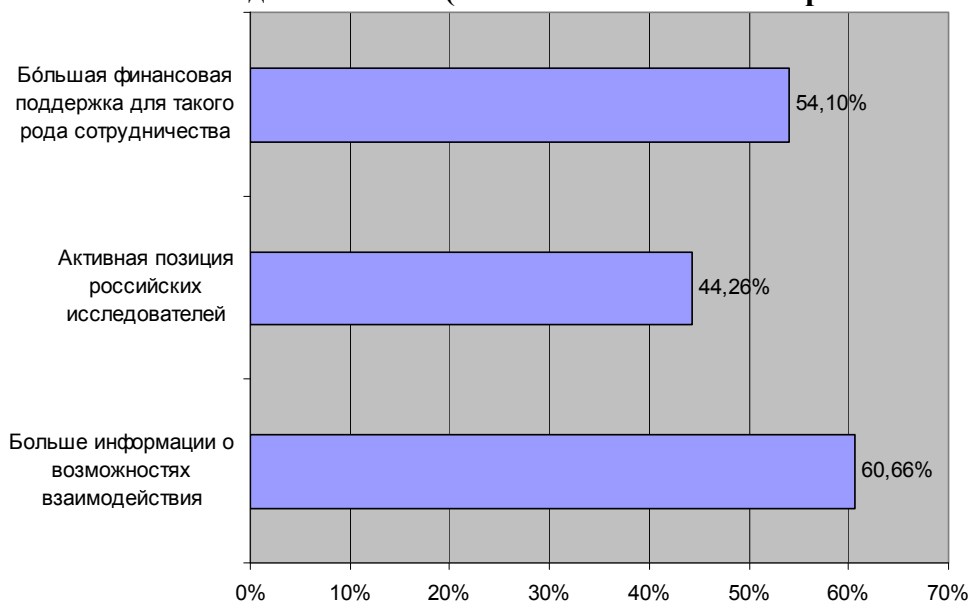


Готовые к сотрудничеству представители российской диаспоры ориентированы на институты, расположенные в основном в Центральной России. Речь в первую очередь идет о столичных ВУЗах, расположенных в Москве и Санкт-Петербурге. Вот несколько примеров ответов на вопрос о том, какие институты могут рассматриваться в качестве гипотетически возможного места работы при условии адекватной оплаты труда:

- Any privately sponsored and independent institution of higher learning in the two capitals.
- St. Peterburg University, Moscow University, RGGU
- Any institution in Voronezh, Moscow, St. Petersburg, or any other city in central Russia (in that order of preference).
- New Economics School and CEFIR
- Smolny College and St. Petersburg State University.
- NES, Moscow State U, HSE, NSU, SPb S U, Skolkovo
- MGU, MGIMO, European University

- Moscow City Psychological and Pedagogical University
- Ural State University

Рисунок 3.26. Что Вам необходимо для того, чтобы более активно взаимодействовать с российскими исследователями? (возможны несколько вариантов ответа)



Итак, мы видим, что дефицит финансирования научных инициатив, казавшийся основной причиной невозможности плодотворного сотрудничества российских ученых и их коллег, оказавшихся за рубежом, в реальности отступает на второй план. Основной проблемой, препятствием к сотрудничеству в глазах представителей диаспоры становится информационная непрозрачность, замкнутость российской академической среды. Отметим, что в ряде случаев эта среда оказывается не готова и отчасти не приспособлена к активному сотрудничеству, что в итоге способно вылиться в открытое сопротивление и неприятие вернувшихся из за рубежа.

Заключение

Целью данного исследования было представить первый набросок портрета российской академической диаспоры в области общественных наук и попытаться понять, в какой степени диаспора может стать ресурсом развития высшего образования и науки в России, и что необходимо сделать для того, чтобы привлечь ее к сотрудничеству. Учитывая неразработанность данного поля, мы могли предложить лишь самые первые подходы к ответам на эти вопросы.

Проведенное исследование позволило выявить несколько основных категорий представителей научной диаспоры, которые, вероятно, прослеживаются не только в

области общественных наук, но и в остальных дисциплинах в целом: это потомки эмигрантов из России; ученые, профессионально сформировавшиеся еще в советское время; и «новое поколение» научной диаспоры – молодые специалисты, заканчивавшие аспирантуру за рубежом. Подавляющее большинство представителей диаспоры (что, впрочем, вполне естественно) находятся на начальной стадии своей научной карьеры, занимая низшие ступени в академической иерархии: на категории assistant professor, lecturer и researcher пришлось около 58% опрошенных. В то же время, к категории associate professor относится 21% опрошенных, категории professor – почти 8%. Таким образом, около трети респондентов относятся к категории научно состоявшихся и сделавших успешную карьеру ученых и могут быть весьма ценным ресурсом для модернизации отечественного высшего образования.

Опрошенные нами представители диаспоры, в целом, достаточно критически относятся к состоянию российской науки и высшего образования, но одновременно говорят о наличии у них личных контактов в российской научной среде, определенного опыта сотрудничества с российскими вузами: 59% из их участвовали на протяжении последних пяти лет в совместных проектах с российскими коллегами. Говорят представители диаспоры (несмотря на зачастую негативный опыт) и о готовности к продолжению сотрудничества. Вместе с тем, основной вывод, который можно сделать на основании собранных в ходе данного исследования материалов, состоит в том, что несмотря на существенные различия, представители всех категорий российской научной диаспоры за рубежом в общем и целом готовы к сотрудничеству с российскими вузами, и даже заинтересованы в нем.

Это не означает, однако, что они готовы приехать в Россию на постоянную работу: около 40% респондентов не намерены возвращаться в Россию, даже если им предложат позицию с оплатой труда адекватной их потребностям. С другой стороны, хотя привлечение российских ученых из-за рубежа на постоянную работу на родине представляется весьма трудным (хотя и не невозможным), то участие в совместных исследовательских проектах, написание совместных статей, краткосрочные преподавательские и исследовательские визиты и просто научные контакты вызывают у них большой интерес.

Можно выделить несколько называемых ими основных препятствий для такого сотрудничества: это финансовые условия; вопросы, связанные с неблагоприятной средой для проживания в России в целом (включая бытовые условия); и отторжение со стороны российских коллег. При этом, по результатам опроса плата труда не является

определяющей для большинства при принятии решения о переезде или краткосрочном сотрудничестве. Как представляется, ключевым фактором является именно реальное или кажущееся отторжение со стороны российской академической среды: именно оно, например, в наибольшей степени мешает, по мнению представителей диаспоры, краткосрочным научным контактам, когда представители диаспоры готовы в максимальной степени пренебречь финансовыми и бытовыми препятствиями.

В изложении представителей диаспоры это отторжение складывается из двух элементов. С одной стороны, их российские коллеги демонстрируют отсутствие интереса к сотрудничеству в принципе, что отражает или их низкие профессиональные качества - сюда относится и низкая квалификация, и ориентация не на проведение научных исследований, а на извлечение коррупционной ренты, общая пассивность и отсутствие интереса и стимулов к исследовательской работе и улучшению качества учебных программ в своих вузах. С другой стороны, даже при наличии такого интереса не умеют выстроить его так, как это принято в западной научной среде - не проявляют инициативы; не пунктуально отвечают на письма; стремятся к ненужной институционализации сотрудничества.

Без проведения дальнейших исследований не ясно, в какой степени здесь речь идет именно об отторжении, а в какой о разности культурных кодов, когда нормальное, с точки зрения российских ученых, поведение воспринимается представителями диаспоры как проявление недостаточного интереса. Тем не менее, достаточно ясно, что ключевая проблема сегодня заключается не столько в выявлении представителей диаспоры, информировании их о существующих и ожидаемых возможностях для сотрудничества, и стимулировании их к такому сотрудничеству, а в преодолении культурных, институциональных и иных барьеров для такого сотрудничества на уровне российских вузов. Таким образом, говоря об использовании диаспоры в качестве ресурса для модернизации отечественного высшего образования и науки, следует направлять усилия не только (возможно, и не столько) на работу с самой диаспорой, но и на создание необходимых условий для сотрудничества с представителями диаспоры на уровне самих российских вузов.